ПО ПОВОДУ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ВѢЧНЫЙ МИРЪ

ВЪ ФИЛОСОФСКОМЪ ПРОЕКТѢ

КАНТА.

ОЧЕРКЪ

Доцента Московской Духовной Академіи

П. В. ТИХОМИРОВА.

СОДЕРЖАНІЕ

Предисловіе Современное положеніе вопроса о войнѣ и мирѣ.
I Прелиминарныя статьи вѣчнаго мира
II. Дефинитивныя статьи вѣчнаго мира
III Гарантіи вѣчнаго мира
IV. Мораль и политика съ точки зрѣнія интересовъ вѣчнаго мира

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА.
СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1899.

1 В

„Пр. з 38“

Пр. з. 1959

Оттиски изъ № 3 и 4 „Богословскаго Вѣстника“ за 1899 годъ.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
1866
26

Печатать дозволяется Апрѣля 6 дня 1899 г
Ректоръ Академіи Епископъ *Арсеній.*

Гуманный призывъ Русскаго Императора отъ 12 августа 1898 г. ко всеобщему разоруженію, вызвавшій горячее и единодушное сочувствіе во всѣхъ странахъ Европы, изнемогающихъ подъ бременемъ милитаризма, дѣлается, наконецъ, предметомъ формальнаго обсужденія на собирающейся въ Гагѣ международной конференціи уполномоченныхъ отъ всѣхъ европейскихъ государствъ. Не забѣгая впередъ событій и не предрѣшая практическихъ результатовъ этой конференціи, необходимо все-таки признать, что въ этомъ случаѣ цивилизованное человѣчество дѣлаетъ дѣйствительную попытку освободиться отъ такого позорнѣйшаго наслѣдія варварскихъ временъ, какъ война, и водворить господство права и законности въ сферѣ такихъ человѣческихъ отношеній, въ которыхъ доселѣ рѣшающее значеніе принадлежало преимущественно силѣ.

То время, когда въ человѣческой совѣсти не возникало даже никакихъ сомнѣній насчетъ нравственной дозволительности массоваго истребленія подобныхъ себѣ людей, когда, напротивъ, почти все человѣчество не только находилось въ состояніи хронической войны, но и признавало совершенно нормальнымъ такое состояніе, — это время безвозвратно миновало уже давнымъ-давно. Услышанная 19 столѣтій тому назадъ Виѳлеемскими пастухами ангельская пѣснь—„Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ“ — возвѣщала для человѣчества начало новой нравственной жизни съ возрожденной совѣстью. Съ этихъ поръ, по крайней мѣрѣ, стало уже невозможно то всеобщее нравственное ослѣпленіе, при которомъ людямъ и въ голову не приходило спрашивать о законности войны. Религія, возвѣщенная Христомъ, есть религія мира и всеобщаго братства. Война безспорно противна Евангелію. Поэтому для христіанскихъ народовъ,

не могшихъ, конечно, въ силу культурно-историческихъ условій своего развитія, отрѣшиться отъ варварскаго обычая воевать, возникала трудная и неблагодарная задача какъ-нибудь оправдать войну, примирить практику своей жизни съ требованіями пробужденной совѣсти и религіи Оправданіе это достигалось цѣною нравственныхъ компромиссовъ и при помощи софистическихъ перетолкованій Евангелія Но компромиссы совѣсти и софизмы мысли подобны болячкамъ на организмѣ: слабый организмъ они разъѣдаютъ въ конецъ и доводятъ до истощенія и смерти, а съ крѣпкаго и здороваго организма, по прошествіи нѣкотораго времени, спадаютъ ветхой чешуей, подъ которой открывается свѣжее тѣло Такъ было въ христіанскую эпоху и съ попытками оправдывать войну Пока доктринеры и теоретики разныхъ направленій терялись въ безконечныхъ спорахъ объ этомъ предметѣ, христіанское человѣчество,—въ здоровомъ и нормальномъ развитіи своего нравственнаго сознанія, — незамѣтно переросло эти споры. Живая совѣсть опередила доктрину И если теоретически теперь еще остается возможность спора о войнѣ, то практически уже совершенно невѣроятно, чтобы на человѣка съ чуткой совѣстью апологія войны могла оказать хоть какое-нибудь дѣйствіе Время, когда можно еще было съ большей или меньшей надеждой на успѣхъ оправдывать войну тоже безвозвратно миновало.

Да, самая возможность спорить о войнѣ отошла въ область прошедшаго, стала лишь преданіемъ, хотя еще и очень свѣжимъ: еще сравнительно недавно знаменитый Мольтке писалъ къ Блунчли, что „война есть элементъ богоучрежденнаго міропорядка“ [1]), и можно думать, что старый солдатъ говорилъ это искренно; въ самое послѣднее время у насъ Вл. С. Соловьевъ писалъ въ защиту войны [2]), но уже едва-ли кто въ этомъ случаѣ вѣрилъ его искренности... Широко распространенныя по всему свѣту общества друзей мира, призывы къ миру и разоруженію со стороны литераторовъ, духовныхъ лицъ, философовъ, разныхъ женскихъ союзовъ и пр., находящая себѣ все больше и больше при-

---

[1]) Saale-Zeitung, 1881, № 28

[2]) Въ своемъ „Оправданіи добра“ и немного ранѣе въ одномъ періодическомъ изданіи

вержепцевъ проповѣдь т. н. мирнаго крестоваго похода— все это обусловило образованіе во всѣхъ культурныхъ странахъ Европы такой нравственной атмосферы, при которой признаніе войны за величайшее зло сдѣлалось аксіомой для всѣхъ морально развитыхъ людей Отсюда понятнымъ становится, почему вотъ уже много лѣтъ подъ рядъ правительства и государи разныхъ странъ такъ горячо и единодушно выражаютъ желаніе всѣми мѣрами содѣйствовать европейскому миру. Этимъ-же объясняется и то, что теперь уже самый милитаризмъ стремится оправдывать себя интересами мира. Знаменитое заявленіе, что только готовая къ бою германская армія можетъ быть залогомъ европейскаго мира, и другія подобныя рѣчи,—какъ ни кажутся парадоксальными по своему существу,—являются все-таки знаменіемъ времени: стыдно теперь стало открыто признать себя сторонникомъ войны. Даже нѣмецкіе генералы въ засѣданіяхъ рейхстага нынѣшняго года стали почтительно расшаркиваться предъ идеей всеобщаго мира и разоруженія, отстаивая проектъ новаго усиленія германской боевой готовности [1])....

Стремленіе къ миру и разоруженію, благодаря почину Русскаго Государя, вступаетъ теперь на почву практическихъ мѣропріятій международнаго характера. Недавняя новая циркулярная нота русскаго правительства (отъ 30 декабря прошлаго года) намѣчаетъ уже нѣсколько детальнѣе тѣ пункты, которые подлежатъ обсужденію конференціи. Но несомнѣнно, что труды этой конференціи будутъ только началомъ цѣлаго ряда дальнѣйшихъ усилій въ томъ-же направленіи. Насколько выяснилось доселѣ, дѣло идетъ ближайшимъ образомъ объ ограниченіи дальнѣйшихъ вооруженій и о нѣкоторомъ смягченіи условій и пріемовъ войны. На этомъ, конечно, нельзя остановиться. Идеаломъ, къ которому ведутъ всѣ эти добрыя начинанія, является *вѣчный миръ* народовъ. Если этотъ идеалъ и далекъ еще отъ практическаго своего осуществленія, то сознаніемъ образованныхъ обществъ онъ уже владѣетъ прочно. Осуществленіе этого идеала становится культурной задачей будущаго. Въ виду этой задачи, вполнѣ благовременно будетъ вспомнить добрымъ словомъ одного изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ

[1]) См *Русск. вѣд*, 1899 г, № 7.

и пропагандистовъ идеи вѣчнаго мира, великаго философа **Иммануила Канта**. Отецъ критической философіи, авторъ трехъ знаменитыхъ „Критикъ", едва-ли многимъ извѣстенъ, какъ выдающійся политическій мыслитель и, въ частности, авторъ замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ *философскаго проекта вѣчнаго мира*. Выпущенная въ 1795 году небольшая книжка „Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf" (104 стр. in 8°) уже переяшла свой столѣтній юбилей; но затронутая въ ней тема до такой степени важна для человѣчества, разработка этой темы такъ серьезна и основательна, и предлагаемая практическая программа такъ, можно сказать, прогрессивна, что и въ настоящее время этому произведенію появиться было-бы только въ самую пору.

У Канта подъ старость идея вѣчнаго мира была любимой его идеей. Но она отнюдь не была плодомъ его старческой сантиментальности или чего-либо подобнаго, а напротивъ— продуктомъ глубокаго и сознательнаго убѣжденія, съ логической необходимостью вытекавшаго изъ основныхъ началъ его философіи права.

Международное право предполагаетъ возможность и необходимость юридическихъ отношеній народовъ и государствъ другъ къ другу. Отношеніе между государствами и народами аналогично отношенію между отдѣльными лицами въ извѣстномъ народѣ. Поэтому государства и народы прежде всего могутъ относиться между собою и дѣйствительно относятся, какъ отдѣльныя лица въ т. н. естественномъ состояніи, гдѣ господствуетъ право сильнаго. Справедливость въ такихъ отношеніяхъ, очевидно, не имѣетъ мѣста, она должна ограничиваться только сферою гражданскаго общества. Но справедливость есть безусловное требованіе разума и имѣетъ силу для всего человѣчества. Слѣдовательно, естественное отношеніе народовъ должно превратиться въ правомѣрное или политическое, гарантирующее соблюденіе справедливости [1]). Правомѣрное общеніе народовъ возможно только подъ условіемъ *мира* между ними. Очевидно, что идеалъ вѣчнаго мира совпадаетъ съ идеаломъ правомѣрнаго взаимообщенія народовъ.

---

1) *Куно Фишеръ*, Ист нов. фил., рус. пер Н Н. Страхова, т 4, стр 213—215.

Кантъ не отрицалъ безусловно войны. Онъ признавалъ такія обстоятельства, при которыхъ война имѣетъ законное основаніе. Такимъ обстоятельствомъ онъ считалъ только *опасность, угрожающую существованію* народа. Опасность эта, по его мнѣнію, можетъ быть двухъ родовъ: или *угроза* (заставляющая взяться за оружіе, не дожидаясь нападенія), или-же *фактическое нападеніе*. Въ томъ и другомъ случаѣ, законною войною будетъ *только война оборонительная*. Къ оборонительнымъ войнамъ относитъ Кантъ и *войны за независимость* [1]).

Но, признавая въ извѣстныхъ случаяхъ законность войны, Кантъ никакъ не могъ примириться съ тѣмъ состояніемъ народовъ, при которомъ возможны между ними войны. Идеалъ вѣчнаго мира, по его глубокому убѣжденію, не долженъ оставаться пустою мечтой. Въ реальныхъ условіяхъ народнаго быта могутъ и должны быть открыты и условія осуществимости этого идеала Задачу открыть эти послѣднія условія и беретъ на себя сочиненіе „Zum ewigen Frieden".

Книжка Канта о вѣчномъ мирѣ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, двухъ дополненій и двухъ приложеній. Въ двухъ отдѣлахъ, образующихъ, по мысли автора, главное и существенное содержаніе сочиненія, формулированы и сопровождены комментаріями *прелиминарныя* и *дефинитивныя* статьи вѣчнаго мира. Проектъ вѣчнаго мира долженъ опредѣлить,— 1) каковы тѣ *непремѣнныя условія, безъ которыхъ вѣчный миръ между народами невозможенъ*, и 2) въ какой формѣ можетъ быть осуществленъ между народами вѣчный миръ, *что необходимо для возможности и прочности постоянныхъ мирныхъ отношеній государствъ другъ къ другу*. Другими словами, проектъ вѣчнаго мира долженъ указать какъ *отрицательныя*, такъ и *положительныя* условія защищаемаго имъ международнаго состоянія. Перваго рода условія даны въ прелиминарныхъ статьяхъ вѣчнаго мира, а второго рода въ дефинитивныхъ. Дополненія указываютъ гарантіи вѣчнаго мира. Первое, такъ и озаглавленное *„о гарантіи вѣчнаго мира"*, старается доказать, что вѣчный миръ есть естественная цѣль

[1]) Ibid, стр 215—217

человѣчества, что къ нему одинаково ведутъ людей и природа и разумъ. Второе, озаглавливающееся—*„тайная статья вѣчнаго мира“*, указываетъ право философовъ въ государствѣ распространять здравыя политическія идеи, обусловливающія возможность вѣчнаго мира народовъ. Изъ приложеній первое трактуетъ *о разногласіи между моралью и политикой съ точки зрѣнія интересовъ вѣчнаго мира*, а второе—*о согласіи политики съ моралью по трансцендентальному понятію публичнаго права*.

I.

Прелиминарныя статьи вѣчнаго мира.

Прелиминарныхъ статей вѣчнаго мира Кантъ выставляетъ шесть. Мы разсмотримъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ приведены у автора.

I статья: „Ни одинъ мирный договоръ не долженъ „считаться таковымъ, если при заключе„ніи его удержанъ втайнѣ поводъ для бу„дущей войны“ [1])

Эта статья содержитъ въ себѣ требованіе полной *искренности* при заключеніи мира. Въ мирные трактаты не должно вносить такихъ пунктовъ, которые могли-бы впослѣдствіи подвергнуться злонамѣренному перетолкованію одной изъ сторонъ и тѣмъ вызвать новую войну. „Подобный миръ,—говоритъ Кантъ въ поясненіе приведенной статьи,—былъ бы только перемиріемъ, отсрочкой враждебныхъ дѣйствій, а *не миромъ*, который обозначаетъ конецъ всякой враждебности, не миромъ, къ которому присоединять эпитетъ *вѣчный* есть собственно уже подозрительный плеоназмъ. Мирнымъ договоромъ уничтожаются всѣ наличныя причины для будущей войны, хотя-бы даже въ данный моментъ и неизвѣстныя самимъ примиряющимся сторонамъ;—но онѣ могутъ зато съ тѣмъ большей еще крючкотворной ловкостью (mit noch so scharfsichtiger Ausspähungsgeschicklichkeit) быть откапываемы въ архивныхъ документахъ“ [2]).—Дѣлать при заключеніи мир-

---

1) Zum ewigen Frieden, S. 5 Цитируемъ по изданію *Kehrbach'a* въ „Universal-Bibliothek“ *Reclam'a* № 1501; въ основу этого изданія положенъ текстъ 1795 года, сличенный съ манускриптомъ и друг. изд

2) Ibid.

наго договора мысленную оговорку (reservatio mentalis), оставляя лазейку для заявленія въ будущемъ такихъ претензій о которыхъ въ данный моментъ ни одна сторона не упоминаетъ, потому что обѣ слишкомъ изнурены для продолженія войны, а затѣмъ, когда захочется, при первомъ благопріятномъ поводѣ, воспользоваться этимъ для объявленія новой войны,—такой образъ дѣйствія есть уже чисто іезуитская казуистика и ниже достоинства правителей и ихъ министровъ [1]). Такой взглядъ на этотъ вопросъ, по мнѣнію Канта, обусловленъ самымъ существомъ дѣла. „Но,—не безъ иронія прибавляетъ онъ,—если въ постоянномъ увеличеніи силы, какими-бы то ни было средствами, полагать честь государства, то такое сужденіе, конечно, покажется доктринерскимъ и педантичнымъ [2])". Несомнѣнно, что здѣсь содержится упрекъ тѣмъ политикамъ, которыхъ Кантъ рѣшительно объявлялъ „безъидейными эмпириками" [3]). Но можно и есть основанія надѣяться, что столѣтіе, протекшее съ тѣхъ поръ, въ достаточной мѣрѣ убѣдило и самихъ дипломатовъ, что честность—лучшая политика.

II статья: „Ни одно самостоятельное государство „(большое или малое,—все равно) не долженно быть пріобрѣтаемо другимъ государствомъ чрезъ наслѣдство, обмѣнъ, „покупку или дареніе" [4]).

„Государство, говоритъ Кантъ, не есть (подобно, напримѣръ, обитаемой имъ землѣ) имущество (patrimonium). Оно есть общество людей, которымъ никто, кромѣ его самого, не можетъ повелѣвать или располагать. Но прививать его, какъ черенокъ, къ другому государству, когда оно само, подобно дереву, имѣетъ собственные корни, значитъ уничтожать его бытіе, какъ нравственной личности, и дѣлать изъ послѣдней вещь" [5]). Право народовъ, достигшихъ сознанія своего національнаго единства, на политическую самостоятельность въ настоящее время уже никѣмъ, по крайней мѣрѣ,

---

[1]) Ibid.
[2]) ibid.
[3]) *Fr. Paulsen,* Immanuel Kant, sein Leben und seine Lehre 1898 S. 302.
[4]) Zum ewigen Frieden, S 6.
[5]) *ibid.*

теоретически не оспаривается II государства, дозволяющія себѣ насильственные захваты, — въ родѣ, напр, допущенныхъ американцами послѣ недавней войны съ Испаніей,— обыкновенно уже оправдываютъ теперь свои образъ дѣйствій неспособностью присоединяемыхъ народовъ къ самоуправленію и стараются выставить свой захватъ временнымъ протекторатомъ, который долженъ окончиться, когда народъ достигнетъ политическаго совершеннолѣтія и въ состояніи будетъ самъ сознательно избрать форму своего политическаго существованія. Право подобнаго самоопредѣленія народа теперь уже всюду признается.

Любопытно, что Кантъ, возставая противъ захвата однимъ государствомъ другого, аргументируетъ это тѣмъ, что такой образъ дѣйствія „противорѣчитъ идеѣ *первоначальнаго договора*, безъ которой немыслимо какое либо право на народъ“ [1]). Идея „первоначальнаго договора“, имѣющая у Канта значеніе главнымъ образомъ въ ученіи о государственномъ правѣ [2]), примѣняется къ обсужденію международныхъ отношеній потому, что какъ уже было замѣчено, юридическія отношенія народовъ, по Канту, во многомъ аналогичны отношеніямъ отдѣльныхъ людей въ обществѣ. Несомнѣнно, что въ этой ссылкѣ на „первоначальный договоръ“ сказалось вліяніе Руссо; но Кантъ далъ мысли Руссо такое толкованіе, которое уже не связываетъ судьбу этой философско-юридической идеи съ вопросомъ о происхожденіи государства, и, благодаря этому, его аргументація не потеряла значенія и для настоящаго времени.—Кантъ свой „договоръ“ понимаетъ не въ смыслѣ историческаго факта, а какъ *идею разума*, регулирующую государственную жизнь. „Есть норма,—такъ комментируетъ этотъ взглядъ Канта Куно Фишеръ,—по которой можно судить о справедливости каждаго образа правленія: чего не можетъ постановить относительно себя самого народъ, того не имѣетъ права постановить и монархъ относительно народа. Что народъ постановляетъ относительно себя самого, то должно быть утверждено соглашеніемъ всѣхъ со всѣми. Предполагается, что гражданское общество въ цѣломъ ос-

---

[1]) *ibid.*

[2]) *Kant.* Die Metaphysik der Sitten 1 Th Metáphysische Anfangsgrunde der Rehtslehre 1798 § 47. SS 198—199.

новывается на такомъ *первоначальномъ контрактѣ*. Что никогда не могло быть постановлено такимъ первоначальнымъ соглашеніемъ, того никогда не имѣетъ права постановлять и законодательная власть" [1]). Для Канта совершенно безразлично,—имѣлъ-ли мѣсто въ исторіи подобный договоръ. Для него важна *идея* этого договора, дающая надежную *точку зрѣнія* для оцѣнки управленія. Примѣняя эту идею къ оцѣнкѣ международныхъ отношеній, онъ отстаиваетъ политическую неприкосновенность всякаго самостоятельнаго государства. А поскольку въ принципѣ эта неприкосновенность признается и современнымъ международнымъ правомъ, постольку мы имѣемъ здѣсь косвенное признаніе и Кантовской точки зрѣнія на этотъ предметъ.

При такомъ общемъ взглядѣ на неприкосновенность самостоятельныхъ государствъ, Кантъ, разумѣется, не могъ не признать вопіющимъ беззаконіемъ всѣ виды пріобрѣтенія однимъ государствомъ другого. Наслѣдованіе власти въ государствѣ извѣстнымъ лицамъ, если оно уже состоитъ правителемъ въ другомъ государствѣ, не можетъ быть пріобрѣтеніемъ одного государства другимъ: не правитель здѣсь пріобрѣтаетъ себѣ царство, а наоборотъ—государство пріобрѣтаетъ себѣ правителя [2]). Брачные союзы правителей точно также не могутъ быть основаніемъ для уничтоженія самостоятельности государствъ, потому что государства въ бракъ не вступаютъ [3]). Подобное-же, хотя и косвенное, посягательство составляетъ отдача войскъ одного государства на службу къ другому не противъ общаго врага, потому что при этомъ подданные трактуются уже, какъ вещи, которыми можно распоряжаться совершенно по произволу [4]).

Требованія, содержащіяся въ разсматриваемой статьѣ, дѣйствительно образуютъ одно изъ самыхъ существенныхъ условій вѣчнаго мира. Если-бы эти требованія изъ сферы теоретическаго только признанія перешли въ практику международную, то множество войнъ было-бы предотвращено. Безусловно законнымъ мотивомъ войны, какъ мы видѣли, яв-

---

[1]) *Куно Фишеръ*, цит соч., стр. 194.
[2]) Zum ew. Fr., S. 6 Anmerk.
[3]) ibid S 6.
[4]) ibid.

ляется защита народомъ своей политической самостоятельности. Поэтому все, что угрожаетъ этой самостоятельности, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и постоянная угроза миру. Большинство войнъ послѣдняго времени были войнами за освобожденіе.

III статья: „Постоянныя войска (miles perpetuus) должны со временемъ совершенно уничтожиться“ [1]).

Этой статьей Кантъ бьетъ въ самый центръ современной системы милитаризма. Если-бы онъ дожилъ до нашихъ дней, то созерцаніе нашего тамъ называемаго „вооруженнаго мира“ дало-бы ему много-много серьезнѣйшихъ поводовъ требовать уничтоженія постоянныхъ войскъ съ удвоенной настойчивостью. Постоянное и ужасающее возрастаніе европейскихъ армій, до крайности стѣсняющее нормальное экономическое развитіе государствъ, есть наглядное доказательство отъ противнаго справедливости Кантовскаго тезиса. Постоянныя арміи, при естественномъ взаимномъ недовѣріи и соревнованіи государствъ, имѣютъ ничѣмъ неудержимую тенденцію къ возрастанію едва-ли не до безконечности. А миръ этими все новыми и новыми вооруженіями отнюдь не гарантируется; даже напротивъ, вооруженные и всегда готовые къ войнѣ милліоны солдатъ являются постоянной угрозой миру. Кантъ замѣчательно вѣрно понималъ и характеризовалъ значеніе этого вооруженнаго мира. „Постоянныя войска, говоритъ онъ, постоянно угрожаютъ войною другимъ государствамъ, въ силу своей постоянной боевой готовности и легкости мобилизаціи“ [2]). А такъ-какъ эта угроза, по его словамъ, побуждаетъ государства конкуррировать другъ съ другомъ въ умноженіи вооруженій, „не знающемъ никакихъ границъ“, и такъ-какъ, вслѣдствіе громадныхъ затратъ на это, „миръ, наконецъ, становится тяжелѣе короткой войны, то война дѣлается неизбѣжной, чтобы только какъ-нибудь отдѣлаться отъ этого бремени А затѣмъ, при системѣ постоянныхъ войскъ, вынужденныхъ своею жизнью расплачиваться за интересы, которые для солдатъ далеко не совпадаютъ съ ихъ личными гражданскими и экономическими

[1]) ibid
[2]) ibid.

интересами, наше нравственное чувство не можетъ не возмущаться тѣмъ, что „люди употребляются, какъ машины или орудія въ рукахъ другого (государства)". Кантъ приводитъ одинъ историческій анекдотъ, въ которомъ очень наглядно и даже цинично иллюстрируется эта точка зрѣнія. Одинъ болгарскій князь, которому воевавшій съ нимъ византійскій императоръ предложилъ покончить свою распрю не пролитіемъ крови подданныхъ, а собственнымъ поединкомъ, отвѣчалъ: „кузнецъ, имѣющій клещи, не станетъ вынимать раскаленное желѣзо изъ горна прямо руками" [1]).

Система постоянныхъ войскъ должна быть замѣнена просто всеобщимъ обученіемъ гражданъ государства обращенію съ оружіемъ,—на случай могущей возникнуть надобности защищать свое отечество. „Совсѣмъ иначе, говоритъ Кантъ, обстоитъ дѣло съ свободнымъ, періодически предпринимаемымъ обученіемъ гражданъ воинскому дѣлу—съ цѣлью защищать свое отечество отъ внѣшнихъ нападеній" [2]). Такое государство съ трудомъ вовлеклось-бы въ какую-нибудь другую войну, кромѣ оборонительной. А если-бы и всѣ государства ввели у себя такой порядокъ, то шансы войны сдѣлались-бы чрезвычайно малы: къ войнѣ необходимо было-бы очень много готовиться; при оборонительной войнѣ эти приготовленія неизбѣжны; предпринимать-же ихъ ради наступательной войны, при невѣрности ея исхода, было-бы неразсчетливо. Несомнѣнно, существуетъ извѣстная *пропорціональность между размѣрами вооруженій и вѣроятностью войны:* чѣмъ сильнѣе боевая готовность извѣстнаго государства, тѣмъ легче оно можетъ вовлечься въ войну и—наоборотъ. Правило древнихъ римлянъ „si vis pacem, para bellum" есть только эффектный парадоксъ, хотя и доселѣ, къ сожалѣнію, не потерявшій своего обаянія надъ политическими умами.

Справедливо замѣчаютъ, что вопросъ о постоянныхъ войскахъ запутываетъ нашу мысль въ логическій кругъ: пока существуютъ постоянныя войска, война необходима, и пока существуетъ война, постоянныя войска необходимы [3]). Выходъ изъ этого круга могъ-бы быть найденъ только въ *общемъ*

---

[1]) ibid, SS 6—7.

[2]) ibid. S 7

[3]) *Куно Фишеръ*, цит. соч, стр. 222.

соглашеніи государствъ: пусть *всѣ* рѣшатся разоружиться, т. е. уничтожить постоянныя войска. Безъ такого общаго соглашенія всякій единичный починъ разоруженія ставилъ-бы разоружающееся государство подъ угрозу безпрепятственнаго разгрома со стороны сосѣдей. При трудности провести и осуществить такое радикальное рѣшеніе, какъ совершенное разоруженіе, можно, для начала, ограничиться и только *равномѣрнымъ сокращеніемъ* вооруженій; но, во всякомъ случаѣ, необходимо, чтобы эта мѣра была принята *всѣми*.

При существованіи постоянныхъ войскъ, конкурренція государствъ въ мирномъ даже трудѣ можетъ создать поводъ для войны. Такъ скопленіе богатствъ въ извѣстной странѣ легко уже становится угрозой какъ экономическому благополучію, такъ и миру сосѣдей. Если по Монтекукули для войны необходимы три вещи: во-первыхъ деньги, во-вторыхъ деньги и въ-третьихъ тоже деньги;—то очевидно, что богатое и, при томъ, обладающее постоянными войсками государство имѣетъ maximum боевой готовности. Скопленіе богатствъ, говоритъ Кантъ, „если другія государства усмотрятъ въ немъ для себя угрозу войной, можетъ понудить къ предупредительнымъ нападеніямъ (zu zuvorkommenden Angriffen), потому что изъ трехъ силъ, угрожающихъ миру другихъ государствъ, — *военной* силы, *союзовъ* и силы *денегъ*,—послѣдняя есть самое вѣрное орудіе войны“ [1]). Послѣдняя мысль Канта, безспорно, вѣрна; но необходимо замѣтить, что и безъ постоянныхъ войскъ деньги не теряютъ этого своего значенія, какъ орудія войны: примѣръ послѣдней войны американцевъ съ испанцами весьма наглядно показалъ, какъ богатое государство, хотя и лишенное почти совсѣмъ постоянной арміи, можетъ съ успѣхомъ вести побѣдоносную войну противъ обладающаго отличной арміей и солиднымъ флотомъ, но бѣднаго государства. Какъ-бы то ни было, впрочемъ, отсутствіе постоянныхъ войскъ уменьшаетъ шансы войны; а значеніе богатства, на случай необходимости воевать, показываетъ, что обезопасить себя государства могутъ и путемъ мирнаго экономическаго преспѣянія. Старую римскую поговорку тогда можно-бы было соотвѣтственно измѣнить: „si vis pacem, para pecuniam“.

[1]) Zum ewigen Frieden. S. 7.

IV статья: „Не должно дѣлать государственныхъ „долговъ въ интересахъ внѣшней поли- „тики“ [1])

„Искать помощи, говоритъ Кантъ, внѣ или внутри государства [2]) ради удовлетворенія политико-экономическихъ потребностей (улучшеніе путей сообщенія, заведеніе новыхъ поселеній или колоній, устройство запасныхъ магазиновъ на случай неурожанныхъ годовъ и т. д.) не вызываетъ никакихъ подозрѣній“ [3]). Но этимъ и должна ограничиться система государственнаго кредита. Всякіе займы на военное дѣло и вообще по нужды внѣшней политики составляютъ уже угрозу для другихъ государствъ и уже по одному этому могутъ повести къ дѣйствительной войнѣ. А затѣмъ возрастаніе государственнаго долга, вредно отражаясь на общей экономической жизни страны, подрывая производство и торговлю (потому что неизбѣжно вызываетъ увеличеніе прямыхъ и косвенныхъ налоговъ и пошлинъ на предметы внѣшней торговли), можетъ привести государство къ банкротству, которое тоже представляется для другихъ государствъ опаснымъ состояніемъ. „Эта легкая возможность вести войну на занятыя средства, говоритъ Кантъ, въ связи съ врожденной, повидимому, наклонностью къ этому при всякомъ сознаніи достаточности своихъ силъ, есть великое препятствіе для вѣчнаго мира, устраненіе котораго (т. е. препятствія) тѣмъ болѣе должно составлять прелиминарную статью этого мира, что неизбѣжное, наконецъ, банкротство задолженнаго государства незаслуженно запутаетъ въ убытки и нѣкоторыя другія государства, что будетъ уже открытымъ посягательствомъ на послѣднія. Слѣдовательно, другія государства уже только поэтому въ правѣ соединиться для противодѣйствія ему и его притязаніямъ“ [4]). Отсюда война становится неизбѣжной.

---

[1]) Ibid.
[2]) Разумѣются внѣшніе и внутренніе займы.
[3]) Zum ew. Fr., S. 7.
[4]) Ibid. S. 8.

I *статья*: „Ни одно государство не должно насильственно вмѣшиваться въ устройство и управленіе другого государства“ [1]).

„Что, спрашиваетъ Кантъ, можетъ уполномочивать на такое вмѣшательство? Развѣ соблазнъ, который подается подданнымъ другого государства? Но въ этомъ случаѣ примѣръ великихъ золъ, которыя навлекаетъ на себя народъ своимъ беззаконіемъ, скорѣе можетъ послужить предостереженіемъ; и вообще дурной примѣръ, подаваемый одною свободною личностью другой (какъ scandalum acceptum), не составляетъ для послѣдней правонарушенія“ [2]). Внутреннія дѣла другого государства никого, кромѣ него самого, не касаются. Ни одно государство не въ правѣ бороться противъ внутреннихъ золъ и неурядицъ сосѣдей. Внутри себя всякое государство—само полный хозяинъ. Ссылки на дурной примѣръ или на заслуживающее состраданія состояніе народа, какъ мотивъ для вмѣшательства въ его жизнь, обыкновенно бываютъ лицемѣрны и только прикрываютъ собой какіе-нибудь корыстные планы. Кантъ въ одномъ только случаѣ допускаетъ вмѣшательство: это—когда государство вслѣдствіе внутреннихъ смутъ и раздоровъ распалось на двѣ совершенно обособленныя части, какъ-бы уже два отдѣльныхъ государства, при чемъ одна часть заявляетъ претензіи на господство надъ другою, т. е. хочетъ удержать функціи прежняго цѣлаго государства; въ этомъ случаѣ, помощь, оказанная одной изъ сторонъ, прежде всего, не есть уже вмѣшательство въ „устройство“ и „управленіе“ другого государства, ибо въ этомъ послѣднемъ царитъ анархія; а затѣмъ, разъ части расколовшагося государства являются какъ-бы двумя самостоятельными государствами, то указанное вмѣшательство принимаетъ уже форму союза съ одной изъ воюющихъ сторонъ. „Но пока этотъ внутренній споръ еще не рѣшенъ, говоритъ Кантъ, такое вмѣшательство внѣшнихъ силъ было-бы нарушеніемъ правъ единаго и ни отъ кого независимаго народа, только борющагося съ своею внутреннею болѣзнью; такое вмѣшательство само производило-бы соблазнъ и создавало-бы опасность для автономіи всѣхъ государствъ“ [3]). Кантъ

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid

здѣсь совершенно вѣрно указывать принципъ, по которому долженъ рѣшаться вопросъ о вмѣшательствѣ. Только усвоеніе одной изъ сторонъ, находящихся въ междуусобной борьбѣ, правъ на самостоятельность и признаніе ея за *воюющую сторону* (а не за бунтовщиковъ) даетъ основаніе для вмѣшательства другихъ государствъ, при чемъ, конечно, это вмѣшательство должно имѣть цѣлью только возстановленіе справедливости, а не какіе-нибудь захваты въ свою пользу

Мы уже въ самомъ началѣ своего очерка имѣли случай замѣтить, что въ отношеніи къ вопросу о войнѣ ростъ нравственнаго и юридическаго сознанія человѣчества опережаетъ практику государствъ. Это надо сказать и относительно права вмѣшательства въ дѣла другого государства. Въ принципѣ идеи Кёнигсбергскаго философа на этотъ счетъ уже получили признаніе всего мыслящаго человѣчества. И теперь дипломатія, — всякій разъ, когда приходится пользоваться неурядицами другого государства для своихъ цѣлей, — старается *оправдать* свой образъ дѣйствій и представить его не нарушающимъ началъ международной справедливости. А иногда и дѣйствительно въ подобныхъ случаяхъ цивилизованныя государства безкорыстно и дружно содѣйствуютъ *торжеству правды*. Участіе европейскихъ государствъ въ Китайскихъ дѣлахъ и рѣшеніе Критскаго вопроса могутъ служить примѣрами на тотъ и другой случай. Вмѣшательству Соединенныхъ Штатовъ въ борьбу Испаніи съ Кубанцами предшествовало признаніе Штатами Кубы за воюющую сторону.

VI статья: „Ни одно государство не должно въ войнѣ „съ другимъ государствомъ позволять „себѣ такія враждебныя дѣйствія, кото„рыя сдѣлали-бы невозможнымъ взаим„ное довѣріе во время будущаго мира „между ними: таковы — наемъ въ непріятельскомъ государствѣ убійцъ (percus„sores) и отравителей (veneficі), нарушеніе „капитуляціи, подущеніе на измѣну (per„duellio)“ [1]).

„Это все—безчестныя стратагемы“, справедливо замѣчаетъ Кантъ. Несомнѣнно, утверждаетъ онъ, что и во время войны

[1]) ibid. S. 9.

для обѣихъ сторонъ обязателенъ извѣстный minimum честности и благородства. „Должно и во время войны оставаться нѣкоторое довѣріе къ образу мыслей врага, ибо иначе и никакой миръ съ нимъ будетъ невозможенъ, и военныя дѣйствія должны превратиться въ безпощадно-истребительную войну (bellum internecinum)“, [1])—въ родѣ войнъ евреевъ съ Хананейскими народами. „Война есть свойственное естественному состоянію народовъ (гдѣ нѣтъ никакого судилища, которое-бы могло произносить законный судъ), обусловливаемое лишь печальной необходимостью, средство — возстановлять свое право при помощи силы; здѣсь ни одна изъ сторонъ не можетъ заранѣе объявляться неправою (ибо этимъ предполагался-бы судебный приговоръ), а только *исходъ* войны (какъ въ такъ называемомъ судѣ Божіемъ) рѣшаетъ, на какой сторонѣ право“ [2]). Поэтому необходимо, чтобы послѣ войны народы не теряли уваженія другъ къ другу, чтобы во время войны ненависть народовъ другъ къ другу не возрастала безмѣрно и не исключала возможности дружественныхъ отношеній послѣ войны. Извѣстное правило „à la guerre comme à la guerre“ — если и можетъ имѣть какое-нибудь значеніе, то отнюдь не такое, будто на войнѣ все позволено. *Война должна быть честной борьбой силъ, а не соревнованіемъ въ безчестности.*

Могутъ сказать, что иногда война имѣетъ *карательный* характеръ, и поскольку виновный народъ надо, во что-бы то ни стало, покарать, постольку и всѣ средства въ такой войнѣ дозволительны. Кантъ, предупреждая это возраженіе, рѣшительно заявляетъ, что „между государствами немыслима карательная война (bellum punitivum), потому что между ними не имѣетъ мѣста отношеніе высшаго къ подчиненному“ [3]). Достаточно припомнить, какое негодованіе и даже презрѣніе всего цивилизованнаго міра вызываетъ англійская политика въ Индіи, гдѣ захвату какого-нибудь независимаго народа обыкновенно предшествуетъ „наказаніе“ его въ формѣ просто завоевательнаго похода, — чтобы понять, насколько справедливъ Кантъ въ своемъ отрицаніи карательной войны.

---

[1]) ibid.
[2]) ibid.
[3]) ibid.

Если-бы въ войнѣ двухъ народовъ уничтожались всякія ихъ нравственныя обязательства въ отношеніи другъ къ другу, если-бы война давала сигналъ къ попранію всякой справедливости, то между народами могли-бы существовать только истрибительныя войны (Ausrottungskrieg). При этихъ условіяхъ, говоритъ Кантъ, *„вѣчный миръ имѣлъ-бы мѣсто только на великомъ кладбищѣ человѣческаго рода“* [1].... Поэтому такія войны и главнымъ образомъ употребленіе средствъ, ведущихъ къ нимъ, должны считаться безусловно непозволительными. „А что названныя средства неизбѣжно приводятъ къ такимъ войнамъ, это, по словамъ Канта, открывается вотъ изъ какого соображенія: эти адскіе фокусы, — помимо того, что употребленіе ихъ само по себѣ гнусно, — не ограничиваются только военнымъ временемъ, а удерживаются потомъ и для мирнаго времени;—таково, напримѣръ, употребленіе шпіоновъ (uti exploratoribus), гдѣ только пользуются безчестностью другихъ“ [2]). Честность и признаніе неприкосновенными извѣстныхъ правъ даже у враговъ обязательны и на войнѣ. Кто безчестенъ въ войнѣ, тотъ не заслуживаетъ довѣрія и въ мирѣ.

То, на чемъ настаиваетъ Кантъ въ разсматриваемой статьѣ своего вѣчнаго мира, настолько очевидно для всякаго культурнаго человѣка, что объ этомъ и не можетъ быть двухъ различныхъ мнѣній. И теперь принятыми и обязательными повсюду у цивилизованныхъ народовъ такъ называемыми законами и обычаями войны и постановленіями, напр., Женевской конференціи 1864 года и Брюссельской 1874 года уже многое сдѣлано для удовлетворенія этому законному требованію совѣсти и справедливости. Предстоитъ кое-что сдѣлать и предстоящей Гагской конференціи, какъ видно изъ предложенія русскаго правительства отъ 30 декабря. Но несомнѣнно многое еще останется задачей будущаго. Въ особенности это нужно сказать о мѣрахъ борьбы съ *шпіонствомъ*. Это такое зло въ современныхъ международныхъ отношеніяхъ, о которомъ

---

[1]) ibid. Этимъ замѣчаніемъ Кантъ возвращается къ сравненію, которое онъ мимоходомъ затронулъ въ самомъ началѣ своей книги. Заглавіе философскаго очерка „Zum ewigen Frieden“ напомнило ему совершенно такую-же сатирическую надпись на вывѣскѣ одной голландской гостинницы, гдѣ изображено было кладбище.

[2]) ibid. SS. 9—10.

нельзя вспомнить безъ чувства сильнѣйшаго омерзѣнія. И это зло—прямое дѣтище нашего „вооруженнаго мира“. Одно потрясающее въ настоящее время весь государственный организмъ несчастной Франціи дѣло Дрейфуса, со всею его массой подлоговъ, подкуповъ и прочей нравственной грязи, окончательно скомпрометировавшей французскую военную организацію и внесшей непримиримый раздоръ въ общество, достаточно наглядно иллюстрируетъ прелести этой системы шпіонства.

Разсмотрѣнными преліминарными статьями вѣчнаго мира исчерпываются всѣ важнѣйшія непремѣнныя условія, безъ которыхъ этотъ миръ невозможенъ. У Канта эти условія изложены въ видѣ отдѣльныхъ и какъ будто не связанныхъ одна съ другою статей. Но на самомъ дѣлѣ здѣсь есть *система*, дѣйствительно *исчерпывающая* главнѣйшія условія. Прекрасно устанавливаетъ эту систему Куно Фишеръ, взглядъ котораго на этотъ предметъ мы и позволимъ себѣ здѣсь привести.

Задачей преліминарныхъ статей Кантовскаго проекта является, по словамъ Куно-Фишера, „*удаленіе всѣхъ благопріятныхъ для войны и неблагопріятныхъ для мира отношеній въ жизни народовъ*“ [1]). Для этого необходимо устранить такія условія, которыя „необходимо возбуждаютъ и усиливаютъ между народами ненависть, страхъ, словомъ враждебныя страсти“. Если мы теперь возьмемъ возможныя отношенія между народами, то откроемъ и эти условія. „Народы, говоритъ Куно Фишеръ, могутъ относиться между собою *трояkимъ образомъ:* они или *воюютъ* между собою, или *заключаютъ миръ*, или находятся въ естественномъ, т. е. временномъ, *мирномъ состояніи*. Если народы воюютъ между собою, то *пусть война не будетъ противна праву* (статья VI).... Если націи заключаютъ миръ, то нужно, чтобы мирный договоръ былъ настоящимъ, т. е. заключалъ въ себѣ *начала дѣйствительнаго прочнаго мира* (статья I).... Если націи находятся въ естественномъ состояніи мира, то нужно, чтобы не происходило ничего такого, что могло-бы враждебно настраивать

[1]) *Куно Фишеръ*, Цит соч., стр 219. Курсивъ здѣсь и ниже нашъ.

ихъ относительно другъ друга, слѣдовательно, ничего такого, чѣмъ-бы одинъ народъ могъ затронуть или *нарушить политическую независимость другого*. Политическая независимость народа можетъ быть нарушаема *двумя способами*: фактическимъ нападеніемъ, т. е. дѣйствительнымъ ущербомъ, или-же грозящимъ опасностью, возбуждающимъ страхъ состояніемъ, въ которомъ находится другая, политически сосѣдняя нація *Фактическое нарушеніе* правъ народа можетъ имѣть два случая: во-первыхъ, одна *нація противъ ея воли соединяется съ другою* (II статья)... вторая форма фактическаго нарушенія состоитъ въ томъ, что одинъ *народъ вмѣшивается во внутреннія дѣла другого* (статья V).... Состояніе, посредствомъ котораго *одна нація* на самомъ дѣлѣ *можетъ быть опасною для другой*, заключается преимущественно въ двухъ государственныхъ учрежденіяхъ: *военной силѣ* (III статья) и финансахъ, именно *въ государственныхъ долгахъ* (IV статья). Здѣсь заключаются самые сильные поводы къ войнамъ; здѣсь зло должно быть вырвано съ корнемъ“ [1]). Благодаря такой *дедукціи* прелиминарныхъ статей вѣчнаго мира, сдѣланной Куно Фишеромъ, т. е. благодаря тому, что онъ „логически развиваетъ отрицательныя условія вѣчнаго мира, тѣ препятствія, которыя, какъ политическое зло, нужно устранить для его утвержденія“ [2]), — безъ труда можно видѣть, что Кантовскія статьи дѣйствительно исчерпываютъ свою задачу.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что выставленныя въ прелиминарныхъ статьяхъ непременныя условія, безъ которыхъ вѣчный миръ невозможенъ, касаются трехъ возможныхъ отношеній между народами. Они опредѣляютъ:

1) *Характеръ войны* между народами, разъ обстоятельства вынудили ихъ къ враждебному столкновенію,—въ ст. VI.
2) *Характеръ мирныхъ договоровъ* между воюющими народами, гарантирующихъ имъ дѣйствительно прочный миръ,—въ ст. I.
3) *Сохраненіе мира*. Послѣднее должно состоять—
   а) въ *отказѣ отъ дѣйствій, на самомъ дѣлѣ его нарушающихъ*, т. е.
      аа) отъ насильственнаго *захвата* другихъ государствъ цѣликомъ или по частямъ,—ст. II,—и

[1]) ibid, стр. 219—222.
[2]) ibid, стр. 222.

bb) отъ *вмѣшательствa* во внутреннюю жизнь другого народа,—ст. V;

b) въ *отказѣ отъ предпріятій, ведущихъ къ его нарушенію*, т. е.

aa) отъ заведенія и усиленія *постоянныхъ войскъ*, другими словами, отъ того, что теперь называется системой „вооруженнаго мира“,—ст. III,—и

bb) отъ *государственныхъ долговъ на нужды внѣшней политики*,—ст IV

Изъ сдѣланнаго нами подробнаго обзора прелиминарныхъ статей вѣчнаго мира и оцѣнки ихъ значенія для современныхъ международныхъ отношеній можно было замѣтить, что Кантъ предлагаетъ вниманію цивилизованнаго міра не какія-нибудь неосуществимыя утопическія мечтанія, а требованія самой элементарной *справедливости, благоразумія* и *честности*. Самоочевидная законность этихъ требованій нагляднѣе всего иллюстрируется уже тѣмъ, что каждое изъ нихъ въ большей или меньшей мѣрѣ (искренно или нѣтъ, — это другой вопросъ) получило признаніе и въ современной *дипломатіи* всѣхъ цивилизованныхъ странъ. „Безъидейные эмпирики“,—какъ называлъ Кантъ дипломатовъ за ихъ постоянную склонность практическимъ соображеніямъ выгоды, интересамъ данной минуты, приносить въ жертву вѣчные интересы совѣсти и справедливости, — эти „безъидейные эмпирики“ все-таки оказались вынужденными подчиниться нѣкоторымъ идеямъ, отрицаніе которыхъ грозило-бы неизбѣжнымъ образомъ вернуть цивилизованный міръ къ временамъ первобытнаго варварства и хронической истребительной войны. Такова сила истины!...

Идейная истина пробиваетъ себѣ дорогу чрезъ всѣ эмпирическія препятствія жизни. И пусть теперь сторонники милитаризма ухищряются въ изобрѣтеніи софизмовъ въ пользу спасительности нашего „вооруженнаго мира“; пусть говорятъ о громадныхъ арміяхъ, какъ надежнѣйшей гарантіи мирнаго прогресса: *неискренность* и *своекорыстное коварство* такой проповѣди отлично чувствуются всѣми. Ея глашатаи,—вопреки надѣваемой ими личинѣ,—не суть піонеры

здоровой культуры, а могильщики цивилизации. Но цивилизація не умретъ, потому что истинными двигателями ея являются *честность* и *справедливость* Какъ ревностный служитель этихъ идей честности и справедливости въ международныхъ отношеніяхъ, великій Кантъ имѣетъ всѣ права на безсмертіе и благодарную память въ человѣчествѣ.

II.

Дефинитивныя статьи вѣчнаго мира.

Дефинитивныя статьи вѣчнаго мира имѣютъ задачей своею указать *положительныя условія*, дѣлающія возможнымъ вѣчный миръ народовъ. Осуществленіе этихъ условій въ значительной мѣрѣ должно предшествовать самому соглашенію всѣхъ государствъ насчетъ преліминарныхъ-то статей. Состояніе мира между людьми, — справедливо говоритъ Кантъ,—не есть естественное состояніе (status naturalis), таковымъ является скорѣе война или, точнѣе, постоянная готовность къ нея. Состояніе мира должно быть *установлено* (muss gestiftet werden)—выработкой такихъ формъ народной жизни, которыя-бы вполнѣ благопріятствовали миру [1]). Въ первобытныхъ государствахъ и даже въ эпоху среднихъ вѣковъ программа, начертанная Кантовскими „преліминарными статьями“ показалась-бы безусловно утопичной, мечтательной и, конечно, не могла-бы разсчитывать на благопріятный пріемъ. Если-же, какъ мы видѣли, она теперь въ принципѣ уже почти цѣликомъ признана дипломатіей цивилизованныхъ государствъ и во многомъ усвоена практикой международныхъ отношеній, то это потому, что формы народной жизни стали болѣе соотвѣтствовать *идеаламъ, предполагаемымъ этой программой*. Вотъ эти-то идеалы и начертываетъ Кантъ въ своихъ „дефинитивныхъ статьяхъ“. Для Канта они были необходимыми *логическими предположеніями* пріемлемости и осуществимости излагаемой въ преліминарныхъ статьяхъ программы. Для насъ они имѣютъ уже не совсѣмъ такое значеніе. Столѣтній историческій опытъ, накопившійся послѣ 1795 года (годъ изданія Кантовскаго Entwurf'a), кое-въ чемъ *не оправдалъ* соображеній на-

[1]) Zum ew. Fr. S. S. 11—12.

шего философа, кое-что въ нихъ *подтвердилъ*, а кое-въ чемъ даже ихъ *опередилъ*. Для насъ, слѣдовательно, разсматриваемыя статьи подлежатъ не только *философскому*, но и *историческому* обсужденію.

Въ основу раскрытія дефинитивныхъ статей вѣчнаго мира Кантъ кладетъ слѣдующее разсужденіе. „Считается общепризнаннымъ, что ни съ кѣмъ нельзя поступать враждебно, если только онъ самъ фактически не обижаетъ меня, не дозволяетъ себѣ правонарушенія въ отношеніи ко мнѣ. Это совершенно справедливо, если мы оба находимся въ *гражданскомъ правомѣрномъ* состояніи. Каждый человѣкъ, вступая въ это состояніе, даетъ потребную гарантію другому находящемуся въ томъ-же состояніи (посредствомъ правительства, имѣющаго власть надъ обоими) Но человѣкъ или народъ, находящійся только въ естественномъ состояніи, лишаетъ меня этой гарантіи и наноситъ мнѣ ущербъ уже самымъ этимъ состояніемъ, тѣмъ что существуетъ рядомъ со мною, т. е. хотя и не фактически (facto), но беззаконностью или неправомѣрностью своего состоянія (statu injusto); вслѣдствіе этого я нахожусь подъ постоянной угрозой съ его стороны и потому имѣю право принудить его или къ вступленію въ общее со мною юридическое состояніе, или къ удаленію изъ моего сосѣдства. Такимъ образомъ, постулятъ, лежащій въ основѣ дефинитивныхъ статей, гласитъ: *всѣ люди, которые могутъ взаимно вліять другъ на друга, должны принадлежать къ какому-нибудь гражданскому устройству*“ [1]). Сумма правомѣрныхъ отношеній въ человѣчествѣ, по мнѣнію Канта исчерпывается—1) отношеніями людей другъ къ другу, какъ членовъ одного государства или народа, опредѣляемыми въ *государственномъ правѣ* (jus civitatis);—2) отношеніями государствъ другъ къ другу, опредѣляемыми въ *международномъ правѣ* (jus gentium);—и 3) отношеніями людей и государствъ, поскольку они взаимно вліяютъ другъ на друга и могутъ быть разсматриваемы, какъ граждане одного общечеловѣческаго союза или всемірнаго государства; эти отношенія составляютъ область *космополитическаго права* (jus cosmopoliticum) [2]). Отсюда и дефинитивныя статьи вѣчнаго

[1]) Ibid. S. 12, Anmerk Курсивъ нашъ
[2]) ibid Anm

мира должны касаться трехъ предметовъ: 1) государственнаго устройства народовъ, 2) международныхъ отношеній и 3) космополитическаго права. Кантъ дѣйствительно и предлагаетъ три такихъ статьи.

I статья: „Гражданское устройство въ каждомъ „государствѣ должно быть республиканскимъ“ [1]).

Эта статья можетъ на первый взглядъ представлять большой соблазнъ для русскихъ читателей, признающихъ самодержавіе незыблемымъ оплотомъ законности и государственнаго благоустройства. Да кромѣ того, для настоящаго времени она не можетъ не казаться парадоксальной при сопоставленіи съ фактами послѣднихъ лѣтъ: самодержавный Государь Александръ III былъ главнымъ охранителемъ европейскаго мира, поистиннѣ Царемъ-миротворцемъ, а его преемникъ, нынѣ благополучно царствующій самодержавный Императоръ Николай II является главнымъ иниціаторомъ мирной конференціи для разоруженія, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, республиканская Франція доселѣ не освободилась отъ воинственной идеи реванша, а самоуправляющаяся Англія чаще другихъ государствъ выступаетъ съ задорными угрозами европейскому миру. Но для правильной оцѣнки разсматриваемой статьи, необходимо, во-первыхъ, имѣть въ виду тотъ смыслъ, какой Кантъ соединяетъ съ терминомъ „республиканскій“, и, во-вторыхъ, отдѣлить въ разсужденіяхъ Канта объ этомъ предметѣ элементы, стоящіе въ дѣйствительномъ логическомъ отношеніи къ вопросу о вѣчномъ мирѣ отъ мыслей иного порядка, развивающихся по другимъ мотивамъ.

Что касается перваго пункта, то Кантъ прежде всего предостерегаетъ отъ того, „чтобы *не смѣшивать*, какъ это обыкновенно бываетъ, республиканское устройство *съ демократическимъ*“ [2]).—„Формы государства (civitas), говоритъ онъ, могутъ быть раздѣляемы или по *различію лицъ*, обладающихъ высшей государственной властью, или-же по *роду управленія* народа его главою, каковъ-бы послѣдній ни былъ; въ пер-

[1]) ibid. S. 12.
[2]) ibid. S. 15

вомъ случаѣ, мы имѣемъ *форму власти* (forma imperii), при чемъ оказываются возможными только три формы: верховною властью въ государствѣ обладаетъ или *одинъ*, или *нѣсколько* извѣстнымъ образомъ связанныхъ между собою лицъ, или-же *всѣ* члены гражданскаго общества *(самодержавіе, аристократія* и *демократія)*“ [1]) Какъ видимъ, понятіе самодержавія служитъ у Канта характеристикой для одного изъ видовъ *организаціи власти*, и отъ него отличаются—аристократія и демократія; республиканское-же устройство организацію власти не характеризуетъ и потому еще не составляетъ противоположности самодержавію Республиканское устройство есть, такъ сказать, категорія другого порядка. Оно есть одна изъ формъ управленія, возможныхъ по словамъ Канта *при любой организаціи власти* (Regierungsart des Volks durch sein Oberhaupt, *es mag sein, welcher er wolle).*— *Форма управленія* (forma regiminis), по словамъ Канта,· зависитъ отъ способа употребленія государственной власти (Art, wie der Staat von seiner Machtvollkommenheit Gebrauch macht) [2]). „Въ этомъ отношеніи она можетъ быть или *республиканской*, или *деспотической*“ [3]). Такимъ образомъ, вообще говоря, по Канту возможны шесть формъ государства: монархія или самодержавіе — республиканское и деспотическое, аристократія—республиканская и деспотическая, демократія—республиканская и деспотическая Въ дѣйствительности этихъ формъ меньше, потому что нѣкоторые изъ видовъ организаціи верховной власти имѣютъ, по Канту, исключительное сродство съ какою-либо одною формою управленія. Такъ *демократія* въ собственномъ смыслѣ слова необходимо бываетъ *деспотизмомъ*“ [4]). Во всякомъ случаѣ, *республиканское устройство у Канта не есть противоположность самодержавія.* Оно противоположно деспотическому устройству; а самодержавіе можетъ быть какъ деспотическимъ, такъ и не-деспотическимъ (т. е. республиканскимъ). А поскольку русское самодержавіе само противополагается деспотизму [5]), постольку,

---

[1]) ibid Любопытно, что вмѣсто термина „монархія“ Кантъ употребляетъ „самодержавіе (Autokratie)“

[2]) ibid

[3]) ibid

[4]) ibid.

[5]) См. объ этомъ *А А Кирѣева*, Краткое изложеніе славянофильскаго

слѣдовательно, и Кантово требованіе республиканскаго устройства для каждаго государства, само по себѣ, перестаетъ быть соблазномъ для русской политической мысли.

Съ точки зрѣнія Канта, можно управлять по республиканскимъ началамъ даже и тогда, когда форма законодательной власти—самодержавная. Примѣромъ такого правителя Кантъ считаетъ Фридриха II [1]). Въ чемъ-же, спрашивается, полагаетъ нашъ философъ сущность республиканизма?—„*Республиканизмъ, говоритъ онъ, есть государственный принципъ отдѣленія исполнительной власти отъ законодательной*“ [2]). Поскольку *раздѣленіе властей* въ государствѣ — законодательной, судебной и исполнительной — гарантируетъ *господство законности* въ государственной жизни, постольку, стало быть, „республиканское устройство“ въ устахъ Канта есть просто символъ государства, „управляемаго на точномъ основаніи законовъ“. Такой республиканизмъ уже не покажется политической ересью ни одному русскому человѣку. И сами русскіе самодержцы своей священной задачей всегда полагали утвержденіе въ землѣ русской строгой законности и правды. Главное условіе этой законности и правды—раздѣленіе администраціи и суда—давно уже стало основнымъ принципомъ нашей государственной жизни. А принципъ независимости суда отъ законодательной власти находитъ свое выраженіе въ окончательности и безапелляціонности кассаціонныхъ сенатскихъ рѣшеній. Законодательной власти принадлежитъ право измѣнять самый законъ, но она сама признаетъ неприкосновеннымъ и окончательнымъ рѣшеніе, постановленное согласно съ закономъ.

Доселѣ мы старались выяснить тотъ основной смыслъ, какой Кантъ соединяетъ съ *понятіемъ* республиканизма, и нашли, что самъ по себѣ этотъ смыслъ довольно скроменъ. Если-бы Кантъ остановился только на этомъ, то его 1-ая дефинитивная статья вѣчнаго мира заключала-бы въ себѣ лишь требованіе строгой законности и правомѣрнаго порядка въ государственной жизни,—требованіе, подъ которымъ не

ученія, 1896, стр 32 57—58. Изложеніе и оцѣнка воззрѣній г Кирѣева сдѣланы нами въ 4 кн „Богосл. Вѣст“ за 1897 г.

[1]) Zum ew. Fr., S 16.

[2]) ibid. S 15 Курсивъ нашъ

колеблясь подписался-бы и всякій монархистъ; но онъ на этомъ не остановился: переходя отъ понятія къ его *конкретному воплощенію* въ жизни, онъ набрасываетъ такую картину республиканскаго устройства государства, которая уже оказывается далеко не безразличной для какой-бы то ни было организаціи государственной власти. Мы уже видѣли, что въ чистой демократіи онъ нашелъ необходимое средство съ деспотизмомъ и, слѣдовательно, противоположность республиканизму Что-же касается самодержавія, то, признавая въ принципѣ его не стоящимъ въ противорѣчіи съ идеей республиканизма, Кантъ въ дѣйствительности все-таки относился къ нему недовѣрчиво, считалъ его легко способнымъ усвоить деспотическій характеръ и потому отдавалъ предпочтеніе *конституціонной монархіи*. Здѣсь мы должны перейти ко второму изъ намѣченныхъ пунктовъ для оцѣнки Кантовыхъ воззрѣній на данный предметъ, именно къ опредѣленію логическаго отношенія между идеей вѣчнаго мира и Кантовскимъ идеаломъ республиканскаго государственнаго устройства

Мы видѣли, что касаться въ дефинитивныхъ своихъ статьяхъ государственнаго устройства народовъ Кантъ считалъ необходимымъ потому, что правомѣрныя международныя отношенія возможны только къ политически-благоустроенному обществу, а народъ, находящійся „in statu injusto“, былъ-бы постоянной угрозой миру сосѣдей. Ясно, что *для интересовъ вѣчнаго мира достаточно только, чтобы во всѣхъ государствахъ существовала строгая законность и прочный правомѣрный порядокъ*, а какія конкретныя формы принимаетъ государственная жизнь при водвореніи этихъ законности и порядка,—для даннаго вопроса совершенно безразлично. Поэтому, строго говоря, Канту при разработкѣ своей темы объ условіяхъ вѣчнаго мира не было надобности конкретно и детально рисовать свой идеалъ республиканскаго устройства. Вѣчный миръ, по существу своему, есть явленіе международное, и потому условія его могутъ касаться внутренняго строя различныхъ государствъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой этотъ строй благопріятенъ или неблагопріятенъ установкѣ правомѣрныхъ *международныхъ* отношеній. Для возможности вѣчнаго мира вполнѣ достаточно и той доли республиканизма, которая можетъ существовать и въ благоустроен-

номъ самодержавномъ государствѣ. Претензія-же начертывать конституцію для всѣхъ государствъ, имѣющая свое законное мѣсто въ философскомъ изслѣдованіи вопросовъ государственнаго права, неумѣстна въ трактатѣ по международному праву. И если-бы Кантъ не упустилъ этого изъ виду, онъ не придалъ-бы разсматриваемой статьѣ вѣчнаго мира такой формулировки и такого истолкованія, которыя, съ одной стороны, являются соблазномъ для политическаго мышленія нѣкоторыхъ государствъ, имѣющихъ однако всѣ законныя права на участіе въ общечеловѣческой задачѣ осуществленія вѣчнаго мира, а съ другой,—дѣлаютъ саму по себѣ вѣрную мысль парадоксомъ предъ судомъ исторіи. Первая дефинитивная статья вѣчнаго мира должна-бы быть формулирована такъ:

„Каждое государство должно заключать въ своемъ устройствѣ гарантіи „незыблемой законности и прочнаго „правомѣрнаго порядка“ [1]).

Что касается Кантовскаго идеала республиканскаго устройства, то онъ, несомнѣнно, стоитъ подъ вліяніемъ Руссо и идей французской революціи. Основная черта этого идеала—возможно большее участіе гражданъ въ законодательствѣ государства и въ рѣшеніи его политическихъ судебъ [2]). Намъ нѣтъ нужды въ подробностяхъ излагать эти взгляды Канта и ихъ обоснованіе. Мы отнюдь не хотимъ обсуждать данный вопросъ по существу. Намъ важно только показать отношеніе Кантовскаго идеала къ вѣчному миру народовъ.

Почему-же участіе народа въ дѣлахъ государства Кантъ считалъ благопріятнымъ условіемъ вѣчнаго мира? Насколько правильно такое воззрѣніе?

---

[1]) Эта формулировка, при ея сравнительной общности, не только не заключала-бы въ себѣ революціонной тенденціи въ отношеніи къ исторически сложившимся существующимъ типамъ государственнаго устройства, но и не нуждалась-бы въ установкѣ спеціальнаго и,—къ слову сказать,—неправильнаго смысла для термина „республиканскій“. Входить въ критическую оцѣнку Кантовыхъ понятій—самодержавія, аристократіи, демократіи, республиканизма и деспотизма—намъ нѣтъ надобности Для насъ важно было только установить смыслъ этихъ понятій съ Кантовой точки зрѣнія.

[2]) Vgl Zum ew. Fr. SS. 13—17. Rechtslehre, §§ 46—47.

„Если для рѣшенія вопроса,—„„нужна или нѣтъ война““,—разсуждаетъ Кантъ, требуется согласіе гражданъ, то нѣтъ ничего естественнѣе, чтобы они несли на себѣ и всѣ тяготы войны“ [1]). Понятно, что народъ, сознавая это, не можетъ такъ легкомысленно рѣшиться на войну, какъ единоличный правитель, для котораго война можетъ быть просто особымъ видомъ спорта. Кантъ, несомнѣнно, здѣсь имѣлъ въ виду династическія войны свого вѣка, войны Людовика XIV, Карла XII, Фридриха II [2]). Соображеніе это, очевидно, разсчитано на народную психологію Предполагается, что народы естественно любятъ миръ и ненавидятъ бѣдствія войны. Но народная психологія—это такая вещь, о которой a priori судить весьма рискованно. Справедливо замѣчаетъ Паульсенъ, что „республиканизированіе государствъ не только не изгнало войны изъ международной практики, но и весьма значительно измѣнило прежнее нерасположеніе населенія къ войнѣ; со всеобщей воинской повинностью, обязанной своимъ введеніемъ революціи, война стала народнымъ дѣломъ (Volkssache) и потому сдѣлалась въ извѣстномъ смыслѣ популярной, чего никогда не могло быть при династическихъ войнахъ, ведшихся при помощи наемниковъ“ [3]). По мнѣнію Паульсена, предположеніе, что народы не хотятъ войны, въ виду ея тягостей, — ошибочно. „Народы, — говоритъ онъ,— конечно, любятъ миръ, но есть нѣчто, что̀ они любятъ еще болѣе, это—слава“ [4]). Если и не признавать безусловно вѣрнымъ послѣднее утвержденіе Паульсена, то во всякомъ случаѣ, разсчетъ Канта на народную психологію является далеко не безспорнымъ. Что-же касается до указанія на династическія войны, то для настоящаго времени оно уже не имѣетъ серьезнаго значенія. Теперь династическія войны едва-ли возможны. Теперь источникомъ войны можетъ быть главнымъ образомъ соревнованіе народовъ на экономической почвѣ, борьба за рынки. Законы-же этой борьбы не стоятъ ни въ какомъ прямомъ отношеніи къ государственному устройству.

---

[1]) Zum ew. Fr S. 16.
[2]) *Paulsen*, a. a O., S 353
[3]) ibid S 354
[4]) ibid.

II статья: „Международное право должно быть „основано на федерализмѣ свободныхъ „государствъ“ [1]).

Чтобы международныя отношенія были *правомѣрными*, а не естественными только, необходимо всѣмъ государствамъ образовать изъ себя нѣкоторое устройство, аналогичное гражданскому устройству въ отдѣльныхъ государствахъ. Этому требованію, по мнѣнію Канта, удовлетворяетъ *союзъ народовъ*. Но этотъ союзъ, говоритъ онъ, не можетъ быть *всемірнымъ государствомъ*, потому что не всѣ отношенія человѣческихъ индивидуумовъ въ отдѣльномъ государствѣ могутъ быть повторены и въ отношеніяхъ государствъ, образующихъ союзъ народовъ. Во всякомъ государствѣ мы имѣемъ отношеніе *высшаго* (законодателя) къ *низшему* (подчиненному), т. е. къ народу. Между государствами - же такое отношеніе невозможно: союзъ государствъ образовалъ-бы только, такъ сказать, народъ всемірной республики, функцію - же главы ея взять было-бы некому [2]).

Въ естественныхъ отношеніяхъ народовъ нарушенное право какого-либо народа возстановляется не при помощи судебнаго процесса, а посредствомъ войны, и побѣда рѣшаетъ на чьей сторонѣ право. Но для всякаго очевидно, что это рѣшеніе не есть правомѣрное, потому что сила—не право, а побѣда не всегда достается справедливому. Разумъ и нравственное чувство безусловно осуждаютъ войну и признаютъ мирное состояніе народовъ за прямой ихъ долгъ. Но такъ-какъ это состояніе не есть естественное, а должно быть *установлено* и *гарантировано* въ своей ненарушимости, то, очевидно, долженъ существовать особый родъ союза, который можно назвать *мирнымъ союзомъ* (foedus pacificum). Этотъ союзъ отличается отъ *мирнаго договора* (pactum pacis) тѣмъ, что послѣдній оканчиваетъ только *одну* войну, а первый—*всѣ* войны и навсегда. Отъ всемірнаго государства этотъ союзъ будетъ отличаться тѣмъ, что въ немъ нѣтъ оффиціальной принудительной власти: это *свободный союзъ* [3]).

Кантъ нѣсколько разъ возвращается къ мысли, что если-

---

[1]) Zum ew. Fr S 17.
[2]) ibid SS. 17—18
[3]) ibid. SS. 19—20.

бы государства міра могли образовать изъ себя одно государство, то это лучше всего повело-бы къ осуществленію идеала вѣчнаго мира, потому что тогда право гарантировалось бы *принужденіемъ* правонарушителя [1]) Но такъ-какъ невѣроятно, чтобы народы согласились на такую форму политическаго сосуществованія, то *суррогатомъ* всемірной республики является *союзъ* государствъ, съ цѣлію противодѣйствовать войнѣ и улаживать политическія несогласія мирнымъ путемъ [2])

Идея „мирнаго союза" государствъ несомнѣнно имѣетъ блестящую будущность. Уже теперь, спустя всего 100 лѣтъ послѣ Кантовской проповѣди этого союза, она стала общепризнаннымъ постулятомъ въ ученіи о международномъ правѣ Да кое-что сдѣлано и для практическаго осуществленія этой идеи. Теперь уже масса международныхъ столкновеній разрѣшается, съ согласія заинтересованныхъ сторонъ, третейскимъ судомъ. А нота русскаго правительства отъ 30 дек. предполагаетъ еще большее расширеніе сферы дѣйствія третейскаго суда (п 8). Но такъ-какъ третейскій судъ не есть институтъ, постоянно функціонирующій, и обращеніе къ нему носитъ болѣе или менѣе случайный характеръ, то чѣмъ больше симпатій вызываетъ его дѣятельность, тѣмъ яснѣе становится въ сознаніи культурнаго человѣчества потребность въ такой международной организаціи, — въ родѣ, напримѣръ, какого-нибудь постояннаго конгресса,— гдѣ *всѣ* столкновенія народовъ находили-бы свое мирное разрѣшеніе. Третейскіе суды суть естественные предтечи постоянныхъ конгрессовъ въ роли международныхъ судилищъ А устройство послѣднихъ предполагаетъ нѣкоторое формальное соглашеніе государствъ—не доводить своихъ распрей до войны, а подчиняться рѣшенію конгресса.

Такъ Кантовскій идеалъ свободнаго федерализма государствъ стоитъ на прямомъ пути къ своему осуществленію.

Но намъ кажется, что самый этотъ идеалъ не достаточно смѣлъ и послѣдователенъ. Кантъ считаетъ неосуществимой идею всемірной республики, которая давала-бы *принудительную гарантію* международной справедливости. Но почему-бы

---

[1]) ibid. S. 21

[2]) ibid

самый предлагаемый имъ „foedus pacificum“ не могъ взять на себя функцію принужденія правонарушителей? Вѣдь достигаетъ-же иногда своей цѣли такъ называемый европейскій „концертъ“ великихъ державъ—путемъ угрозъ и давленія, практикуемыхъ въ отношеніи второстепенныхъ государствъ и некультурныхъ народовъ Почему-же не вообразить себѣ всемірнаго союза государствъ, который взялъ-бы на себя задачу въ случаѣ надобности, *силою* поддержать авторитетъ международнаго судилища-конгресса? Почему-бы въ распоряженіе послѣдняго не дать своего рода „международной полиціи“, которая, превосходя своею численностью и подготовкой войска каждаго отдѣльнаго государства (вѣдь условіями вѣчнаго мира предполагается совершенное уничтоженіе постоянныхъ войскъ, а начало такому уничтоженію можетъ быть положено только предварительнымъ сокращеніемъ ихъ), могла-бы путемъ принужденія содѣйствовать торжеству законности? Всѣ эти предположенія отнюдь не утопичны. Даже теперь своеобразной комбинаціей европейскихъ силъ (наступательные и оборонительные союзы,—въ родѣ, напр., двойственнаго и тройственнаго) предотвращается вооруженное столкновеніе ихъ. Почему-же не признать для *всемірнаго союза* доступными болѣе крупныя задачи [1])? При усложняющемся со

---

[1]) Мысль о возможности *принудительной* гарантіи мира вообще уже не чужда современному мышленію Недавно ее весьма рѣшительно высказалъ извѣстный американскій юмористъ *Маркъ Твэнъ* Въ № 2 издаваемаго Стэдомъ журнала „War against war“ и посвященнаго вопросамъ мира и всеобщаго разоруженія помѣщено остроумное письмо Марка Твэна Американскій юмористъ считаетъ необходимымъ для всеобщаго мира, чтобы только четыре большихъ державы согласились убавить свои арміи Тогда остальныя можно заставить силою сдѣлать то-же самое „Достаточно, говоритъ онъ, четырехъ державъ, если только ихъ можно крѣпко запречь вмѣстѣ. Онѣ-бы могли вынудить миръ, а безъ принужденія—какой-же это былъ бы миръ?“ .. *(Недѣля*, 1899 г, № 5, стр. 178) Нужно, впрочемъ, сказать, что въ „вѣчный“ миръ Маркъ Твэнъ не вѣритъ, а предлагаетъ только средства для сокращенія возможности войны до minimum'а „Вѣчнаго мира,—такъ заканчиваетъ онъ свое письмо,—я полагаю, никоимъ образомъ ожидать нельзя, но я думаю, что можно постепеннымъ сокращеніемъ военныхъ силъ Европы довести ихъ численность всего до 20,000 человѣкъ. Тогда мы будемъ имѣть приличный миръ, а если понадобится война, то она будетъ доступна по цѣнѣ всякому“ (*ibid.* Послѣднюю мысль ср со сказаннымъ нами по поводу Ш

дня на день разносторонпемъ вліяніи, какое оказывается на жизнь и экономическіе интересы каждаго народа состояніемъ другихъ народовъ, скоро всякая война будетъ невыгодна для *всего человѣчества*. Тогда самъ собою и легко разрѣшится вопросъ о насильственномъ прекращеніи всемірнымъ союзомъ государствъ вооруженныхъ столкновеній между отдѣльными народами

III статья: „Космополитическое право должно быть „ограничено условіями всеобщаго го„степріимства" [1])

Эта статья нѣсколько не гармонируетъ съ той широтою воззрѣнія, какой вообще отличается Кантова программа вѣчнаго мира. То, чего требуетъ здѣсь Кантъ, теперь уже давно осуществлено. Даже болѣе того, космополитическое право въ настоящее время *фактически несравненно шире* этого требованія. Въ наше время не только „право посѣщенія (Besuchsrecht)" каждымъ человѣкомъ любого государства и право не считаться при этомъ за врага безспорно признаются всюду, но признается также и право участвовать въ нѣкоторыхъ благахъ другого государства, чего Кантъ, повидимому, не допускалъ. Чужестранецъ въ каждомъ цивилизованномъ государствѣ находится подъ такой-же охраной его законовъ, какъ и всякій природный гражданинъ. Блюстителемъ его интересовъ является консулъ его страны. Всѣми жизненными и культурными удобствами онъ можетъ безпрепятственно пользоваться за свои деньги такъ-же, какъ и любой аборигенъ. Недоступны ему только участіе въ политической и общественной дѣятельности, да нѣкоторыя занятія, гдѣ онъ является нежелательнымъ конкуррентомъ для мѣстныхъ гражданъ. Но въ послѣднемъ отношеніи дѣло, кажется, тоже идетъ къ лучшему. Это отчасти видно изъ того впечатлѣнія, какое произвели въ Европѣ недавнія высылки изъ Германіи австрійскихъ и датскихъ подданныхъ.

Впрочемъ, въ интересахъ вѣчнаго мира, достаточно и того

прелиминарной статьи) Но пути, ведущіе къ сокращенію вѣроятности войны, однородны съ ведущими къ вѣчному миру

[1]) ibid S 22.

требованія, какое выставляетъ Кантъ. Лишь-бы всякаго чужеземца не принимали за врага! А если-бы ему въ чужой странѣ и не пришлось чувствовать себя вполнѣ равнымъ съ природными жителями, это всетаки не дастъ пищи международной враждѣ.

III.

Гарантіи вѣчнаго мира.

Вѣчный миръ безспорно составляетъ *идеалъ* культурнаго человѣчества. Если-бы Кантъ хотѣлъ только это доказать своимъ сочиненіемъ „Zum ewigen Frieden“, то ему, пожалуй, незачѣмъ было-бы и писать его, потому что за идеалъ - то вѣчный миръ и безъ того признавался съ тѣхъ поръ, какъ христіанство подчинило себѣ народы Европы; но историческая необходимость всегда понуждала народы отступать отъ требованій этого идеала и подыскивать такія или иныя оправданія для подобнаго отступленія Нѣтъ, Кантъ въ осуществленіи вѣчнаго мира видѣлъ не только идеалъ человѣчества, но и его прямую историческую *задачу*, т. е. не считалъ этого идеала лишь вѣчнымъ образцомъ международныхъ отношеній, къ которому можно болѣе или менѣе приближаться, *никогда* его не осуществляя. Предлагая *средства* къ предотвращенію войнъ (въ прелиминарныхъ статьяхъ вѣчнаго мира) и указывая положительныя *условія*, при которыхъ дѣлается вполнѣ легкимъ примѣненіе этихъ средствъ и осуществленіе идеала (въ дефинитивныхъ статьяхъ), Кантъ тѣмъ самымъ выражалъ свою увѣренность въ томъ, что идеалъ его *можетъ быть осуществленъ*, и надежду,—что онъ *будетъ* осуществленъ. На чемъ-же покоятся такая вѣра и такая надежда? Опытъ прошлаго не даетъ основанія для подобныхъ упованій на будущее. Должны, слѣдовательно, существовать такія данныя, которыя заставляютъ думать, что будущее окажется лучше прошлаго, что человѣчество не стоитъ на мѣстѣ, не всегда будетъ повторять въ своей исторіи старое, а *прогрессируетъ* и вырабатываетъ постепенно элементы новаго порядка, который, наконецъ, вполнѣ замѣститъ собою старый. Гдѣ-же эти данныя? По мнѣнію Канта, вѣчный миръ есть *естественная цѣль* человѣческаго развитія, движеніе къ этой цѣли *предопредѣлено*, съ одной сто-

роны, *природой*, а съ другой,—условіями *умственной жизни* людей

а) *Гарантія вѣчнаго мира въ природѣ.*

„Гарантію вѣчнаго мира, — говоритъ Кантъ, — даетъ, ни больше ни меньше, какъ сама великая художница *природа* (natura daedala rerum), въ механическихъ процессахъ которой явственно обнаруживается цѣлесообразность, производящая изъ раздора людей,—даже противъ ихъ воли, — согласіе и потому называемая—*судьбою*, какъ принужденіе нѣкоторой, неизвѣстной намъ со стороны законовъ своего дѣйствія причины, или-же—*провидѣніемъ*, какъ обнаруживающаяся, при разсматриваніи цѣлесообразности міровыхъ процессовъ, глубокая мудрость нѣкоторой высшей Причины, стремящейся къ осуществленію конечной цѣли человѣческаго рода и предопредѣляющей ходъ міровой жизни“ [1]). Кантъ предпочитаетъ, изслѣдуя условія, ведущія къ вѣчному миру даже помимо воли и намѣренія людей, говорить о *природѣ*, а не о *промыслѣ* — потому, что это кажется ему, во-первыхъ, болѣе сообразнымъ съ *ограниченностью* человѣческаго разума, который достовѣрно познавать отношеніе причины и дѣйствія можетъ только въ предѣлахъ возможнаго опыта, и, во-вторыхъ, онъ находитъ, что это будетъ гораздо *скромнѣе*: разсуждая о промыслѣ, умъ придѣлывалъ-бы себѣ Икаровскія крылья, чтобы приблизиться къ тайнѣ неисповѣдимыхъ намѣреній Божіихъ [2])... Но этимъ Кантъ нисколько не отрицаетъ и не умаляетъ провиденціальнаго характера во всемъ ходѣ человѣческой исторіи и міровой жизни. Въ примѣчаніи къ разсматриваемому мѣсту своей книги онъ излагаетъ свои воззрѣнія на промыслъ Божій. Здѣсь, довольно обстоятельно касаясь различныхъ видовъ промысла [3]), онъ утверждаетъ, что нужно быть очень осторожнымъ въ признаніи тѣхъ или иныхъ событій именно за нарочитыя дѣйствія воли Божіей; только „глупая дерзость“ людская способна, не задумываясь, сводить на *непосредственныя* цѣли Божества то, что, можетъ быть, есть естественное и механическое по-

---

[1]) Zum ewigen Frieden. SS. 25—26.
[2]) *ibid*, SS. 27—28.
[3]) *ibid*, S 26, Anmerk.

бочное слѣдствіе *другихъ* цѣлей [1]) Такимъ образомъ, и признавая промыслительное дѣйствіе Божества въ мірѣ, мы не можемъ съ увѣренностью сказать, что оно — вотъ именно здѣсь, а не тамъ. Не нужно злоупотреблять догматами вѣры, дабы неискуснымъ ихъ научнымъ употребленіемъ не скомпрометтировать заключающейся въ нихъ истины.

Какимъ-же образомъ природа даетъ гарантіи вѣчнаго мира между народами?

Три черты, по словамъ Канта, характеризуютъ естественныя условія земного человѣческаго существованія: 1) природа позаботилась, чтобы человѣкъ могъ жить во всѣхъ странахъ земного шара;—2) войны содѣйствуютъ разселенію людей по всему свѣту и заселенію даже неудобообитаемыхъ странъ;—3) война-же побуждаетъ людей вступать другъ съ другомъ въ болѣе или менѣе тѣсныя юридическія отношенія.

Уже то достойно удивленія, что, напр., въ холодныхъ пустыняхъ при ледовитомъ морѣ произрастаетъ еще мохъ, который изъ-подъ снѣга выкапываетъ сѣверный олень, чтобы, въ свою очередь, сдѣлаться пищей или служить для упряжки остяку и самоѣду; или еще—солончаковыя песчаныя пустыни имѣютъ верблюда, который кажется нарочно созданнымъ для путешествія по нимъ, дабы и ими могъ воспользоваться человѣкъ [2]). Еще яснѣе обнаруживается эта цѣль, если принять во вниманіе, что кромѣ пушныхъ звѣрей у береговъ ледовитаго моря еще тюлени, моржи и киты доставляютъ тамошнимъ обитателямъ пищу своимъ мясомъ, отопленіе своимъ жиромъ. Еще больше вызываетъ удивленія заботливость природы, когда она морскими теченіями неизвѣстно откуда приноситъ плавучій лѣсъ къ этимъ чуждымъ растительности странамъ, безъ чего ихъ обитатели не имѣли-бы матеріала, чтобы изготовлять свои судна, оружіе и хижины. И они тамъ, удовлетворяясь войною противъ животныхъ, живутъ между собою въ мирѣ [3]).

---

[1]) *ibid.*

[2]) ibid. S. 28.

[3]) ibid. „Могутъ спросить,—оговаривается Кантъ по поводу этого своего соображенія: если природа желаетъ чтобы эти берега Ледовитаго моря не оставались необитаемыми, то что-же будетъ съ ихъ населеніемъ, когда она (какъ можно ожидать) не будетъ болѣе доставлять имъ плавучаго лѣса“? Несомнѣнно, что съ успѣхами культуры, побережный лѣсъ будетъ

„Позаботившись о томъ, чтобы люди на землѣ повсюду *могли* жить, говоритъ Кантъ природа вмѣстѣ съ тѣмъ заявляетъ деспотическое желаніе,—что они повсюду и *должны* жить, хотя-бы и вопреки своимъ склонностямъ.... И для достиженія этой своей цѣли она избрала орудіемъ войну“ [1]). Мы видимъ, напримѣръ, народы, у которыхъ единство ихъ языка указываетъ на единство происхожденія (таковы—*самоѣды* на морскомъ берегу и народъ на *Алтайскихъ* горахъ, говорящій подобнымъ-же языкомъ, но удаленный отъ перваго на двѣсти миль), но между которыми втиснулся другой народъ наѣзднический и воинственный (*монгольскаго* племени): очевидно, что послѣдній оттѣснилъ часть племени съ его первоначальной территоріи къ ледовитому морю, ибо не по доброй-же волѣ поселились тамъ эти люди. Подобнымъ-же образомъ *финны* отдѣлены отъ далекихъ отъ нихъ по территоріи но родственныхъ имъ по языку *венгровъ* втиснувшимися между ними *готскими* и *сарматскими* народами. Затѣмъ *эскимосовъ* и *пешересовъ* что могло загнать—первыхъ на крайній сѣверъ, а послѣднихъ на крайній югъ до Огненной земли, — кромѣ войны, которой природа пользуется, какъ средствомъ для повсюднаго заселенія земли? [2]) Такъ природа пользуется для своихъ цѣлей войной. Что-же касается самой войны, то она не нуждается ни въ какихъ нарочитыхъ и искусственныхъ возбужденіяхъ: въ самихъ людяхъ достаточно звѣрскихъ инстинктовъ, которые долго еще не смолкнутъ предъ требованіями нравственнаго закона... Военная храбрость у многихъ дикарей доселѣ считается, а въ эпоху средневѣковаго рыцарства и въ Европѣ считалась особеннымъ достоинствомъ. Даже философы ее восхваляли [3]).

Но война-же побуждаетъ людей выйти изъ естественнаго состоянія и установить нѣкоторыя юридическія отношенія, которыя, въ своемъ послѣдовательномъ ростѣ и развитіи,

---

лучше утилизироваться и не будетъ уноситься въ море „Я отвѣчаю, говоритъ Кантъ: тогда жители береговъ Оби, Енисея, Лены и т. п будутъ доставлять имъ лѣсъ, какъ предметъ торговли, въ обмѣнъ за продукты животнаго царства, которыми такъ богато море у этихъ береговъ,—если только природа заставитъ эти народы жить въ мирѣ“ (ibid S 30. Anm).

[1]) ibid. S. 29.

[2]) ibid. S 29—30.

[3]) ibid., 30—31.

приводятъ, наконецъ, къ утвержденію вѣчнаго мира между народами. Война сплачиваетъ людей въ государства, а государственная организація есть первый шагъ къ утвержденію на землѣ господства законности и права вмѣсто силы. По крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ группъ, объединенныхъ въ государство, законъ царитъ съ тѣмъ большею силой, чѣмъ совершеннѣе государственная организація; — проявленіямъ естественной враждебности и эгоизма поставлены границы. „Если-бы народъ,—говоритъ Кантъ, — внутренними своими неурядицами и не былъ вынужденъ подчиниться принужденію публичныхъ законовъ, то это отнѣ сдѣлала-бы война“[1]). Каждый народъ,—разъ природа позаботилась о повсюдномъ заселеніи земли,—находитъ рядомъ съ собою тѣснящій его сосѣдній народъ, противъ котораго онъ и долженъ внутренно объединиться, образовавъ изъ себя *государство*, чтобы противостать врагу во всеоружіи *силы* [2]). Общіе интересы и общая выгода, т. е. общій эгоизмъ, связываютъ людей въ государственныя группы, а противоборство личныхъ интересовъ и выгодъ, т. е. столкновеніе индивидуальныхъ эгоизмовъ, побуждаютъ ихъ выработать нормы гражданской справедливости и гарантировать ее принужденіемъ закона [3]). „Природа непреодолимо *хочетъ*, чтобы право, наконецъ, получило верховную власть (die Natur *will* unwiderstehlich, dass das Recht zuletzt die Obergewalt erhalte)“ [4]),—и она умѣетъ этого достигнуть, не взирая на индивидуальный эгоизмъ и своекорыстіе отдѣльныхъ людей. Господство справедливости въ народѣ, достигшемъ государственнаго устройства, не есть такая цѣль, для полнаго осуществленія которой люди всѣ должны-бы стать ангелами. Проблема закономѣрнаго государственнаго устройства, говоритъ Кантъ, „разрѣшима и для народа, который состоялъ-бы даже изъ чертей, если-бы только они имѣли разумъ“ [5]). Для всякаго эгоиста выгодно кое-въ чемъ, ограничить свой эгоизмъ въ пользу ближнихъ, лишь-бы въ другихъ случаяхъ пользоваться защитой закона и

---

[1]) ibid 31
[2]) Ibid.
[3]) ibid, 31—32.
[4]) ibid S 33
[5]) ibid S 32:

сильной власти При этомъ мы имѣемъ дѣло не съ нравственнымъ улучшеніемъ людей, а съ простымъ „механизмомъ природы", направляющимъ самую борьбу враждебныхъ людскихъ эгоизмовъ въ народѣ къ выработкѣ нѣкотораго законнаго порядка, обезпечивающаго путемъ принужденія мирное сожительство людей [1]).

Таковы три черты, которыми, по Канту, характеризуются условія земного существованія человѣчества. Природа назначила людямъ для обитанія всю землю, разселяетъ ихъ дѣйствительно по всей землѣ до самыхъ отдаленныхъ ея предѣловъ и заставляетъ сплачиваться въ государства [2]) Въ какомъ-же отношеніи эти данныя стоятъ къ интересамъ вѣчнаго мира? Какъ природа отъ этои заботы объ отдѣльныхъ народахъ переходитъ къ водворенію мира и въ международныхъ отношеніяхъ?—Соединяя народы въ государства, природа какъ-бы даетъ естественный образецъ того состоянія, въ которомъ господствуютъ право и законность, а не сила. Но этотъ образецъ не можетъ служить задачей для всего человѣчества въ цѣломъ. Заселяя людьми весь земной шаръ, природа дѣлаетъ неудобнымъ ихъ объединеніе въ одно государство—даже въ интересахъ справедливости и законности. Этимъ нѣсколько осложняется ея задача гарантировать вѣчный миръ народовъ.

Мирныя *международныя* отношенія, регулируемыя началами *права и законности*, а не войной и насиліемъ, предполагаютъ два условія: 1) нѣкоторую *обособленность* народовъ, при которой каждый народъ образуетъ самостоятельное государство;—при всемірной монархіи, напримѣръ, миръ хотя-бы и существовалъ, но былъ-бы явленіемъ скорѣе гражданскаго

---

[1]) ibid

[2]) Мы не беремъ на себя задачи входить въ критическую оцѣнку воззрѣній Канта насчетъ этого механизма природы. Считаемъ только необходимымъ замѣтить, что если-бы этотъ взглядъ Канта и оказался неправильнымъ въ частностяхъ своего физико-географическаго, этнографическаго и культурно-историческаго обоснованія, все-таки его три тезиса по существу своему остались-бы вѣрными Безспорно, что люди могутъ жить вездѣ на землѣ, что, съ ростомъ населенія, дѣйствительно вся земля рано или поздно заселится, а гражданственность и закономѣрное государственное устройство составляютъ, повидимому, такой неизбѣжный продуктъ цивилизаціи, что отнюдь нельзя сомнѣваться въ скоромъ усвоеніи ихъ всѣми народами

права, чѣмъ международнаго (jus gentium); 2) *объединеніе* народовъ въ признаніи нѣкоторыхъ общеобязательныхъ юридическихъ нормъ и въ одинаковомъ общемъ пользованіи нѣкоторыми благами культуры и цивилизаціи; — принципы крайняго національнизма всегда приведутъ къ обостренію вражды между народами и ко множеству международныхъ несправедливостей, ибо какъ въ гражданскихъ, такъ и въ международныхъ отношеніяхъ право вноситъ начало извѣстнаго взаимнаго ограниченія эгоизмовъ отдѣльныхъ юридическихъ лицъ. Достигаетъ-ли природа этихъ двухъ цѣлей и — какимъ образомъ?

Что касается первой цѣли, т. е. *обособленія* народовъ, то Кантъ прежде всего утверждаетъ ея *желательность* съ точки зрѣнія идеаловъ разума и справедливости. По его словамъ, хотя такое состояніе само по себѣ и благопріятствуетъ войнѣ, если только народы при немъ не объединены въ нѣкоторую федерацію,—оно все-таки лучше, чѣмъ слияніе ихъ въ одно государство, потому что съ увеличеніемъ объема управленія заботы объ общегосударственныхъ интересахъ берутъ перевѣсъ надъ удовлетвореніемъ справедливыхъ и законныхъ потребностей отдѣльныхъ группъ и лицъ; принципы законности будутъ все болѣе и болѣе приноситься въ жертву интересамъ государственнаго единства, и водворится такой бездушный *деспотизмъ*, который, истребивъ всѣ сѣмена добра, приведетъ, наконецъ, ко всеобщей революціи и *анархіи* [1]). Это—безспорно вѣрное наблюденіе. Только насиліе и жесточайшій деспотизмъ способны были-бы удерживать такое всемірное государство отъ расползанія по всѣмъ швамъ, отъ разложенія на его составные первоначальные элементы; и чѣмъ крѣпче была-бы эта насильственная связь, тѣмъ сильнѣе и рѣзче былъ-бы взрывъ революціонныхъ страстей, порожденныхъ ею, тѣмъ радикальнѣе было-бы слѣдующее затѣмъ разложеніе. Позаботиться объ извѣстныхъ средствахъ разъединенія людей тѣмъ необходимѣе, что при сплошной заселенности всей земли,—къ чему по Канту, стремится сама природа, — всемірное государство явило-бы образецъ невиданныхъ и неслыханныхъ еще жестокости и деспотизма.

И природа позаботилась поставить препятствія сліянію

[1]) Ibid S. 33.

всѣхъ народовъ земли въ одно государство. Она пользуется двумя средствами, чтобы разъединять народы и удерживать ихъ отъ смѣшенія: различіемъ *языковъ* и различіемъ *религій*. Хотя это различіе и приноситъ съ собою склонность ко взаимной ненависти и даетъ нерѣдко поводъ къ войнѣ, но съ ростомъ культуры эта вредная черта отступаетъ на задній планъ, народы все болѣе и болѣе сближаются другъ съ другомъ, все больше оказывается между ними согласія въ принципахъ и взаимнаго пониманія, такъ что, при извѣстной національной обособленности, между ними вполнѣ возможенъ прочный постоянный миръ. Этотъ миръ,—въ отличіе отъ неизбѣжнаго деспотизма универсальнаго государства,—будетъ опираться не на ослабленіе всѣхъ силъ, а на ихъ равновѣсіе, при оживленномъ и плодотворномъ соревнованіи ихъ другъ съ другомъ. Этотъ миръ не будетъ купленъ цѣною свободы [1]).

Изъ этихъ двухъ средствъ, какими природа, по Канту, пользуется для разъединенія народовъ, различіе религій, само собою понятно, не принадлежитъ къ числу вѣчныхъ и постоянныхъ различій. Вполнѣ допустимо религіозное объединеніе человѣчества. И самъ Кантъ признаетъ, что какъ существуетъ одна только истинная нравственность, такъ должна для всѣхъ людей существовать и одна религія [2]). Мысль, что истинная религія—универсальна, присуща всѣмъ исторически извѣстнымъ исповѣданіямъ. Наша церковь, вознося на всѣхъ богослуженіяхъ прошеніе „о соединеніи всѣхъ“, выражаетъ именно эту мысль. А кто знаетъ, чѣмъ насъ подаритъ болѣе или менѣе отдаленное будущее?... Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ другимъ источникомъ разъединенія народовъ. Языкъ является неотъемлемой принадлежностью народа, достигшаго національнаго самосознанія. Только младенчествующіе народы еще могутъ болѣе или менѣе легко усвоять языкъ другого народа. Развитая-же нація отъ своего языка никогда не откажется. Поэтому языкъ, надо думать, навсегда останется существеннымъ признакомъ національности, а единство національности всегда будетъ имѣть рѣшающее значеніе въ вопросѣ объ объединеніи тѣхъ или

---

[1]) ibid. SS. 33—34.

[2]) ibid, S. 33 Anmerk

иныхъ политически различныхъ народовъ или о раздѣленіи насильственно объединенныхъ различныхъ національностей. Человѣчество со временемъ разобьется на политическія группы, говорящія каждая своимъ языкомъ. Число этихъ группъ, несомнѣнно, будетъ гораздо меньше числа современныхъ государствъ и меньше также числа языковъ и нарѣчій, существующихъ теперь на землѣ, потому что нѣкоторыя малокультурныя нарѣчія исчезнутъ; но во всякомъ случаѣ, это число будетъ весьма значительно. Дальше этого объединеніе,—по крайней мѣрѣ, не насильственное, — итти не можетъ. Такимъ образомъ, національное самосознаніе отдѣльныхъ народовъ, закрѣпленное для каждаго въ его языкѣ, будетъ служить постояннымъ препятствіемъ къ сліянію человѣчества въ одно всемірное государство.

Но, мудро поддерживая національное раздѣленіе человѣчества, природа, какъ утверждаетъ Кантъ, не позволяетъ этому раздѣленію перейти въ національную исключительность (націонализмъ); она находитъ средства *соединять* народы общими интересами и тѣмъ подготовляетъ почву для юридическихъ, правомѣрныхъ отношеній между ними, дѣлающихъ возможнымъ вѣчный миръ и исключающихъ войну. Природа соединяетъ народы сознаніемъ взаимной собственной пользы отъ мира. Кантъ главнымъ противникомъ войны называетъ „*духъ торговли* (Handelsgeist)“, или торговый интересъ, который „не можетъ существовать вмѣстѣ съ войною и раньше или позже овладѣваетъ всякимъ народомъ“. Такъ какъ силу и значеніе *денегъ* отлично знаютъ всѣ государства, то они и „видятъ себя вынужденными (конечно, не нравственными мотивами) содѣйствовать благородному миру, и, гдѣ-бы на свѣтѣ ни грозила вспыхнуть война, предотвращать ее путемъ посредничества, какъ будто-бы они находились въ постоянномъ союзѣ“ [1]). Дѣйствительно, съ развитіемъ торговыхъ связей между народами, война становится все болѣе и болѣе невыгодной не только для самихъ воюющихъ, но и для другихъ государствъ, которые поэтому и заинтересованы въ предотвращеніи войнъ Чѣмъ сильнѣе будетъ эта заинтересованность, тѣмъ скорѣе можно разсчитывать на миролюбивое посредничество. Такимъ образомъ,

[1]) ibid. S. 34.

государства, въ силу собственныхъ интересовъ, оказываются какъ-бы состоящими въ союзѣ другъ съ другомъ, съ цѣлью охранять миръ. Кантъ, — не безъ нѣкотораго противорѣчія тому, что говоритъ онъ по поводу своей II-ой дефинитивной статьи,—склоненъ, повидимому, усвоять этому посредничеству заинтересованныхъ въ сохраненіи мира государствъ характеръ угрозы или давленія по отношенію къ готовящимся воевать другъ съ другомъ государствамъ. По крайней мѣрѣ, сказавъ о названномъ посредничествѣ, онъ прибавляетъ, что „большіе союзы для войны могутъ заключаться въ высшей степени рѣдко и еще рѣже удаваться“ [1]): выходитъ, что государства, желающія мира, должны быть сильнѣе собирающихся воевать и потому могутъ *принудить* послѣднія не вступать въ войну.

Торговые и экономическіе интересы, сближая народы, создаютъ между ними массу чрезвычайно сложныхъ отношеній, которыя должны быть регулированы извѣстными юридическими нормами Почта, телеграфы, пути сообщенія, кредитъ, таможенные договоры и т. п. — все это до такой степени переплетаетъ международныя отношенія, что уже и теперь война на любомъ пунктѣ земного шара не можетъ оставаться безразличной для всего человѣчества; и не находящіяся въ войнѣ государства претерпѣваютъ при этомъ нѣчто, нарушающее правильность ихъ внѣшнихъ отношеній. Въ будущемъ-же это нарушеніе станетъ чувствоваться еще сильнѣе, потому что самыя отношенія усложнятся. Слѣдовательно, мирное разрѣшеніе международныхъ коллизій и разработка началъ международнаго права составляютъ естественную цѣль человѣчества, къ осуществленію которой влекутъ его собственныя выгоды.

„*Подобнымъ-то образомъ*,—такъ заканчиваетъ Кантъ свои разсужденія о гарантіи вѣчнаго мира,—*природа гарантируетъ* вѣчный миръ механизмомъ самыхъ человѣческихъ склонностей;—*гарантируетъ съ надежностью, которая, правда, недостаточна, чтобы теоретически безспорно предсказывать его наступленіе, но совершенно достаточна въ практическомъ*

---

[1]) ibid. Если-бы Кантъ могъ имѣть предъ глазами современное состояніе Европы, онъ не сказалъ-бы этого

смыслъ и влѣняетъ намъ въ долгъ работать для этой отнюдь не химерической цѣли“ [1]).

b) *Гарантія вѣчнаго мира въ условіяхъ умственной жизни людей (Тайная статья вѣчнаго мира).*

Въ объективномъ смыслѣ, по словамъ Канта, говорить о „тайной статьѣ“ въ трактатѣ касающемся публичнаго права, было-бы противорѣчіемъ; по содержанію своему ни одна статья въ этомъ случаѣ не можетъ быть тайной. Но въ субъективномъ смыслѣ, принимая во вниманіе „*качество лица, диктующаго ее*“, это вполнѣ возможно. „Тайна здѣсь состоитъ въ томъ, что это лицо считаетъ опаснымъ для своего достоинства публично объявить себя авторомъ такой статьи“ [2]). Такимъ лицомъ является каждый *философъ* въ государствѣ. Право философовъ содѣйствовать вѣчному миру Кантъ и формулируетъ въ слѣдующей статьѣ:

„Мнѣнія философовъ объ условіяхъ „возможности мира должны приниматься въ разсчетъ приготовившимся къ войнѣ государствами“ [3]).

Справедливо замѣчаютъ, что со времени Платона ни одинъ еще философъ не заявлялъ такихъ смѣлыхъ политическихъ претензій [4]). Самъ Кантъ сознавалъ эту смѣлость и потому вслѣдъ за приведенной статьей прибавляетъ: „Для законодательнаго авторитета государства, которому естественно должна приписываться величайшая мудрость, можетъ показаться унизительнымъ объ основоположеніяхъ своего отношенія къ другимъ государствамъ искать наставленія у *подданныхъ* (философовъ)“;—„но, говоритъ онъ, дѣлать это все-таки весьма полезно“ [5]). Онъ не предлагаетъ государству открыто спрашивать у философовъ ихъ мнѣнія, что было-бы, пожалуй, немного и унизительно. Для сохраненія своего престижа оно можетъ „*молчаливо* (stillschweigend) *приглашать къ этому*“ философовъ, т. е., проще говоря, предоставить

[1]) ibid. Курсивъ нашъ.
[2]) ibid. SS. 11—35.
[3]) ibid S. 35.
[4]) *Куно Фишеръ*, Цит. соч., стр. 228
[5]) Zum ew. Fr., S. 35.

имъ право *высказываться* по политическимъ вопросамъ вообще и по вопросамъ внѣшней политики, касающимся объявленія войны, заключенія мира и т. п.—въ особенности. Это право не нуждается для своего утвержденія въ какомъ-либо международномъ соглашеніи, а просто вытекаетъ изъ нравственныхъ обязанностей правителей. Это не значитъ, чтобы мнѣнія философовъ ставились выше взглядовъ юристовъ; это значитъ только, что философскія мнѣнія нужно всетаки *выслушивать*. Юристъ, если онъ только не есть вмѣстѣ и философъ, часто бываетъ близорукъ и судитъ по устарѣлымъ и не выдерживающимъ научной критики основаніямъ (дѣйствующее законодательство), легко подпадаетъ искушенію провозгласить: „vae victis!“ Философъ гораздо объективнѣе [1])

Въ послѣднихъ сужденіяхъ Канта сказалось вліяніе тѣхъ мотивовъ, которыми вызвано его извѣстное сочиненіе „Споръ факультетовъ“ [2]), и потому они не чужды нѣкотораго преувеличенія и полемическаго задора. Теперь философія права уже не стоитъ въ такомъ антагонизмѣ съ положительной юриспруденціей. Теперь всякій хорошій юристъ долженъ быть (хотя, къ сожалѣнію далеко не всегда бываетъ) вмѣстѣ и философомъ,—въ извѣстной, конечно, мѣрѣ. Но въ общемъ требованіе Канта, разумѣется, вполнѣ законно, и его указаніе на болѣе передовой и объективный образъ мыслей философа сравнительно съ юристомъ тоже справедливо. Мнѣнія ученыхъ и философовъ по политическимъ вопросамъ должны приниматься въ разсчетъ правительствами. Конечно, по идеѣ представители законодательной власти и администраціи должны обладать величайшей мудростью и не нуждаться въ совѣтахъ; но если-бы это всегда было, то исторія не надѣляла-бы нѣкоторыхъ выдающихся правителей эпитетами „мудрыхъ“. Если справедлива пословица, что „умъ хорошо, а два лучше“, то ученый, а въ особенности философскій умъ, приходящій на помощь уму правительственному, есть самая достожелательная вещь. Теперь эта истина все больше и больше сознается и самими правительствами, которыя для *чисто научнаго и философскаго* изслѣдованія вопросовъ права и обсужденія политическихъ задачъ и отно-

---

[1]) ibid.

[2]) Ниже (SS. 35—36) онъ и самъ въ этомъ сознается.

шеній уже не ставятъ серьезныхъ препятствій. Преслѣдуется иногда только популяризація научныхъ и философскихъ выводовъ, которая почему-либо признается или преждевременной или неумѣстной для народа и тамъ называемой „читающей публики“. И нерѣдко правительственныя программы оказываются подъ сильнымъ вліяніемъ этой ученой работы. Такимъ образомъ, философы, какъ того желалъ и Кантъ, являются „тайными совѣтниками“ правительствъ.

Кантъ не затронулъ вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ философы, если правительства станутъ ихъ слушать, способны быть ревностными поборниками идеи вѣчнаго мира. Для него это, повидимому, было само собою очевидно. И мы готовы утверждать, что онъ не ошибся. Такіе faux pas, какъ апологія войны г. Соловьева, въ философіи чрезвычайно рѣдки и имѣютъ своимъ источникомъ совсѣмъ не философскіе мотивы. Гораздо важнѣе спросить, достигаютъ-ли сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ своей цѣли философскія мнѣнія о войнѣ и мирѣ.—По самому существу дѣла, указать факты изъ практики правительствъ, въ которыхъ прямо и съ очевидностью сказалось-бы это вліяніе, нельзя, потому что вѣдь и условіями задачи требуется, чтобы правительства *молчаливо* принимали въ разсчетъ философскія мнѣнія. Но, съ другой стороны, многочисленными фактами неопровержимо доказано, что законодательная дѣятельность и политика европейскихъ правительствъ стоятъ вообще въ весьма сильной зависимости отъ умственнаго и нравственнаго развитія управляемыхъ обществъ и отъ результатовъ науки. А поскольку умственное развитіе общества зависитъ отъ проникновенія въ его среду философски освѣщенныхъ научныхъ взглядовъ [1]), успѣхи-же наукъ неразрывно связаны съ философской обработкой общихъ понятій и предположеній, лежащихъ въ ихъ основѣ, постольку, слѣдовательно, и философія можетъ считать себя участницей въ законодательной и политической жизни государствъ. Даже болѣе того. Мы въ самомъ началѣ своего очерка гово-

---

[1]) Что *умственное развитіе* непремѣннымъ своимъ условіемъ имѣетъ *философское освѣщеніе* усвояемыхъ знаній, это мы уже имѣли случай раскрыть годъ тому назадъ,—въ Мартовской кн. „Богословскаго Вѣстника“ за 1898 г

рили, что теоретически теперь еще остается возможность спора о войнѣ. Представители наукъ политическихъ и историческихъ еще доселѣ иногда выступаютъ на защиту войны Но, говорили мы, нравственное сознаніе христіанскаго человѣчества въ этомъ случаѣ опередило доктрину. Первая и главная доля участія въ этомъ ростѣ нравственнаго сознанія безспорно принадлежитъ христіанской религіи; второю причиной, дѣйствовавшею на ряду съ этой, надо признать философію, которая раньше другихъ наукъ пришла къ рѣшительному отрицанію войны и къ проповѣди вѣчнаго мира И если рано или поздно моральное настроеніе человѣчества изгонитъ варварскую практику войны, философія будетъ имѣть полное право, вмѣстѣ съ религіей, вмѣнить это себѣ въ культурную заслугу.

Прислушиваясь къ общественному настроенію, возстающему противъ войны, правительства слышатъ въ этомъ настроеніи и голосъ философіи, принимавшей участіе въ его созданіи. Пусть-же никогда не умолкнетъ голосъ этихъ проповѣдниковъ лучшаго будущаго! „Чтобы правители стали философами или философы правителями,—этого нельзя ни ожидать, ни даже желать, потому что обладаніе властью неизбѣжно повредило-бы свободному сужденію разума. Но чтобы правители или самоуправляющіеся народы не позволяли исчезнуть или умолкнуть классу философовъ, а предоставляли имъ возможность открыто высказываться, — это непремѣнно нужно для ихъ собственнаго дѣла“ [1]). Такими словами заканчиваетъ Кантъ свои разсужденія о тайной статьѣ вѣчнаго мира. Мы къ этимъ словамъ ничего не имѣемъ прибавить.

IV.

Отношеніе между моралью и политикой съ точки зрѣнія интересовъ вѣчнаго мира.

Что вѣчный миръ народовъ составляетъ политическій *идеалъ*, къ осуществленію котораго надо всемѣрно стремиться, этого никто не можетъ отрицать. Но способна-ли современная *политика*, т. е. *практика* государственныхъ дѣятелей,

[1]) Zum ew. Frieden, S. 36.

пріемы ихъ дѣятельности, надежнымъ образомъ вести къ осуществленію этого идеала?—Самый фактъ созванія теперь въ Гагѣ конференціи наглядно показываетъ, что народы изнемогли подъ бременемъ тѣхъ результатовъ, которые дала эта практика; что современная политика *не ведетъ* народы къ вѣчному миру, а напротивъ,—дала имъ „вооруженный“ миръ, т. е. ежеминутную готовность начать самую истребительную войну другъ противъ друга. Ясно, что этой практикѣ доселѣ не хватало нѣкоторыхъ руководящихъ началъ, съ которыми она способна была-бы вести человѣчество къ идеалу. И если собирающейся конференціи суждено дать поворотъ къ лучшему будущему, то это можетъ совершиться не иначе, какъ чрезъ введеніе въ политическую практику недостававшихъ ей доселѣ началъ. Какія же это начала? Мы видѣли, что мечты о вѣчномъ мирѣ выростаютъ на почвѣ *нравственнаго* развитія человѣчества; что человѣчество изъ глубины своего нравственнаго сознанія выдвигаетъ этотъ идеалъ и настойчиво со всѣхъ сторонъ и со всѣхъ концовъ земного шара требуетъ отъ правительствъ приближенія къ этому идеалу. Понятно отсюда, что именно *нравственныхъ-то началъ* доселѣ и не хватало политикѣ. Это не значитъ, конечно, того, будто-бы политика намѣренно отрицала мораль; но она *не находила возможнымъ* всегда сообразоваться съ нравственными требованіями во всей ихъ *теоретической чистотѣ*, а руководясь главнымъ образомъ практическими *интересами* и соображеніями *выгоды*, принимала во вниманіе нравственныя требованія лишь съ извѣстными *ограниченіями*, въ мѣру ихъ практическихъ удобствъ. Такимъ образомъ, создавался какъ-бы видъ особой *практической* морали. Это обстоятельство находило свое оправданіе въ одномъ давнишнемъ предразсудкѣ человѣческомъ, будто „справедливое въ теоріи не всегда справедливо на практикѣ“. Наибольшую дань этому предразсудку всегда платили практическіе дѣятели,—и между ними первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, политикамъ. Не близится-ли время отрѣшиться отъ этого предразсудка?... И Кантъ въ этомъ случаѣ, какъ и во всемъ своемъ проектѣ вѣчнаго мира, замѣчательно идетъ на встрѣчу назрѣвающимъ потребностямъ нашей эпохи. Въ двухъ „приложеніяхъ“ къ своей книгѣ онъ настойчиво доказываетъ, что между политикой и моралью не можетъ и не

должно быть разногласія, что „честность—лучшая политика“ [1]). Канту не разъ и во многихъ мѣстахъ приходилось бороться противъ упомянутаго предразсудка: „справедливое въ теоріи не всегда справедливо на практикѣ“. Отношеніе политики и морали съ точки зрѣнія интересовъ вѣчнаго мира даетъ ему новый богатый матеріалъ для этой борьбы. Основная мысль всѣхъ его разсужденій здѣсь та, что *вѣчный миръ возможенъ только при честной политикѣ.*

а) *Честность и благоразуміе въ политикѣ.*

Мораль, утверждаетъ Кантъ, сама по себѣ есть практика въ объективномъ смыслѣ этого слова, — какъ сумма безусловно обязательныхъ законовъ, по которымъ мы *должны* дѣйствовать,—и потому будетъ совершенной несообразностью, признавая эту обязательность, говорить, что мы *не можемъ* дѣйствовать по предписаніямъ морали; тогда незачѣмъ и признавать обязательность, — ultra posse nemo obligatur. Слѣдовательно, между политикой, практически осуществляющей ученіе права, и моралью,—разъ она настаиваетъ только на послѣдовательномъ проведеніи въ жизнь основныхъ началъ права, т. е. теоретически распространяетъ признаваемыя самою политикой принципы на извѣстныя жизненныя отношенія,—не можетъ быть никакого спора; другими словами, не можетъ быть разногласія *между теоріей и практикой* политической [2]).

„Политика говоритъ: *Будьте мудры, какъ змѣи;* мораль прибавляетъ: *и просты, какъ голуби* (Мат. 10, 16). Если то и другое требованіе не можетъ вмѣстѣ существовать въ одной заповѣди, то дѣйствительно существуетъ разногласіе между политикой и моралью; но если то и другое вполнѣ соединимы, то самая идея противоположности между политикой и моралью абсурдна, и не можетъ быть даже вопроса о примиреніи этого разногласія“ [3]). Голубиная простота, или *честность* въ политикѣ вполнѣ соединима съ змѣиною мудростью, или *благоразуміемъ.*

---

[1]) „Ehrlichkeit ist die beste Politik“ (S. 37).
[2]) ibid. S 37.
[3]) ibid.

Кантъ признавалъ возможными два типа политиковъ. Одинъ „такъ понимаетъ принципы государственнаго благоразумія (Staatsklugheit), что они всегда могутъ существовать совмѣстно съ моралью", другой-же „такъ выковываетъ себѣ мораль, чтобы она была выгодна съ точки зрѣнія интересовъ государственнаго человѣка". Перваго онъ называетъ „*моральнымъ политикомъ*", а второго—„*политическимъ моралистомъ*", желая показать, что для перваго центръ тяжести, опредѣляющее начало находится *въ морали*, а для второго—*въ политикѣ*, первый политику подчиняетъ морали, а второй—наоборотъ [1]). Нѣтъ нужды говорить, что Кантъ считалъ законнымъ только первый изъ этихъ типовъ, а послѣдній рѣшительно осуждалъ.

Вотъ какъ ближе онъ характеризуетъ оба эти типа.

Моральный политикъ въ руководственное начало своей дѣятельности беретъ слѣдующее разсужденіе: „если въ устройствѣ государства или въ отношеніяхъ государствъ другъ къ другу встрѣчается какой нибудь недостатокъ, котораго нельзя было предотвратить, то долгъ правительствующихъ лицъ—позаботиться о томъ, чтобы ихъ какъ можно скорѣе улучшить и сдѣлать соотвѣтствующими естественному праву, какъ оно рисуется намъ въ идеѣ разума" [2]). Если недостатокъ слишкомъ глубоко вошелъ въ строй государственныхъ отношеній, и его нельзя удалить безъ серьезнаго потрясенія всего государственнаго организма, то было-бы противно благоразумію, вполнѣ согласному въ данномъ случаѣ съ моралью, требовать немедленной реформы. Ее надо сначала подготовить. Но будетъ вполнѣ законнымъ требованіемъ, чтобы правительство признало ея необходимость и постепенно и неуклонно стремилось къ ея осуществленію [3]). *Революцію* Кантъ не одобрялъ и считалъ незаконнымъ средствомъ для утвержденія справедливости. Но тамъ, гдѣ политика моральна, т. е. идетъ навстрѣчу назрѣвающимъ народнымъ потребностямъ, революція и невозможно. Точно также не одобрялъ онъ, какъ безнравственную политику, и *реакцію*, т. е. стремленіе отнять у народа дости-

[1]) ibid S 39.
[2]) ibid.
[3]) ibid. S. 40.

гнутыя имъ блага болѣе справедливаго государственнаго устройства и вернуть его къ прежнему, менѣе справедливому. Честный политикъ не долженъ становиться реакціонеромъ даже и въ томъ случаѣ, если справедливая реформа осуществлена незаконнымъ путемъ [1])

Второй типъ, который Кантъ назвалъ „политическимъ моралистомъ", при болѣе подробной характеристикѣ онъ предпочитаетъ (дабы показать, что это—всетаки *политикъ*, только усвоившій себѣ извѣстное отношеніе къ морали) называть „*морализирующимъ политикомъ*". Это — не „моральный" политикъ, потому что мораль онъ цѣнитъ не слишкомъ высоко, а только „моралзирующій", потому что онъ старается оправдывать съ нравственной точки зрѣнія все, что требуется политическими выгодами. Этого типа политики стараются изгнять и оправдывать противные праву государственные принципы и тѣмъ дѣлаютъ невозможными улучшенія въ государственномъ строѣ. Они всегда поддѣлываются къ власти и ради собственныхъ выгодъ готовы былибы продать не только свой народъ, но хотя-бы и цѣлый міръ. Нравственная цѣнность ихъ дѣйствій для нихъ мало значитъ; все дѣло въ томъ, чтобы выгоднѣе достигнуть своихъ цѣлей Соображенія выгоды для нихъ выше всего. Идеалъ змѣиной мудрости они признаютъ очень охотно, а честность считаютъ крайне непрактичной. Единственная ихъ дань морали состоитъ въ томъ, чтобы, по возможности, дѣлать не слишкомъ замѣтными совершаемыя несправедливости. Искусная политика, чтобы не дискредитировать себя внутри государства и во внѣшнихъ отношеніяхъ, должна прикрываться личиною справедливости. Правила этой политики сводятся къ тремъ знаменитымъ положеніямъ:

1) „*Fac et excusa*". Пользуйся всякимъ удобнымъ случаемъ для достиженія задуманныхъ цѣлей. Прежде всего достигай цѣли, а потомъ уже подъискивай для нея оправданіе. Когда дѣло уже сдѣлано, его легче оправдывать. Это—всѣмъ знакомая „политика совершившихся фактовъ". Въ особенности это легко бываетъ, когда несправедливость совершена въ предѣлахъ собственнаго государства: подданные не всегда осмѣлятся разсуждать, а скорѣе подчинятся. Но

[1]) ibid.

удается это и относительно другихъ государствъ. „Самая эта дерзость, говоритъ Кантъ, создаетъ видимость внутренняго убѣжденія, и затѣмъ богъ *bonus eventus* есть лучшій адвокатъ“.

2) „*Si fecisti, nega*“. Если сдѣлано такое дѣло, которое уяъ никакъ нельзя представить справедливымъ, если оно явно гадко, то отрекайся отъ него и говори, что это *не твоя вина*, что виноваты въ этомъ другіе или вообще независящія отъ насъ обстоятельства.

3) „*Divide et impera*“. Вооружить своихъ противниковъ (внѣ или внутри государства—это все равно) другъ противъ друга, создать антагонизмъ между ихъ интересами, и тѣмъ предотвратить для себя опасность ихъ союза—это одно изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ искусной политики. Порознь съ противниками бороться легче [1]).

Честность и *политическое благоразуміе* — вотъ два принципа политической практики. Смотря по тому, какой имѣетъ руководящее значеніе и какой—подчиненное, мы получаемъ два типа политики Моральные политики не отказываются отъ благоразумія, и оно у нихъ, когда находитъ примѣненіе, не искажается, не теряетъ своей природы. Маралиэирующіе политики для видимости не отказываются отъ морали, но на дѣлѣ она у нихъ не имѣетъ никакого значенія. *Соединеніе* змѣиной мудрости и голубиной простоты, слѣдовательно, возможно только въ одномъ типѣ политика. Уже это одно достаточно для сравнительной оцѣнки типовъ.

Въ интересахъ-яе вѣчнаго мира, само собою понятно, политика честности безусловно предпочтительнѣе, потому что она, пользуясь средствами политическаго благоразумія, дѣлаетъ это, *не нарушая справедливости* и потому способна поддерживать взаимное довѣріе и уваженіе народовъ, столь необходимое для сохраненія мира между ними. Въ отличіе отъ благоразумія морализирующихъ политиковъ, Кантъ предлагаетъ называть это справедливое благоразуміе „*государственной мудростью* (Staatsweisheit)“ [2]).

Но чтобы принципіально рѣшить вопросъ объ отношеніи

---

[1]) ibid. SS. 41—43.

[2]) ibid. S. 46.

политики къ морали, Кантъ употребляетъ слѣдующій пріемъ. Онъ беретъ самое общее различіе между политикой простого *благоразумія* и политикой государственной *мудрости* и находитъ, что первая руководится *матеріальнымъ* принципомъ, т. е. опредѣленной эмпирической *цѣлью* (стремится къ достиженію нѣкоторыхъ строго опредѣленныхъ результатовъ), вторая-же руководится *формальнымъ* принципомъ, при которомъ *цѣль можетъ быть какая угодно;* принципъ этотъ (=*нравственный* принципъ) гласитъ: поступай такъ, чтобы ты могъ желать, чтобы правило твоего поведенія сдѣлалось всеобщимъ закономъ. Какой-же принципъ,—спрашивается затѣмъ,—вѣрнѣе?—Кантъ, не колеблясь, отдаетъ предпочтеніе формальному, „потому что онъ, какъ принципъ права, обладаетъ безусловной необходимостью“, тогда какъ матеріальный „служитъ побужденіемъ только при предположеніи эмпирическихъ условій поставленной цѣли, т. е. ея исполнепія“ [1]).

Съ этой точки зрѣнія утвержденіе вѣчнаго мира на землѣ для политики простого благоразумія есть *проблема политическаго искусства* (problema technicum), для политики-же государственной мудрости—*нравственная проблема* (problema morale). Но вѣчный миръ не есть нѣчто такое, чего желаютъ только, какъ физическаго блага, а есть состояніе вытекающее изъ признанія долга. Поэтому достиженіе его одними средствами политическаго искусства представляется мало вѣроятнымъ. Для этого потребовалось-бы большое *знаніе природы*, чтобы воспользоваться ея механизмомъ для намѣченной цѣли, и все-таки результатъ былъ-бы весьма невѣрный. Соціологическія и политическія обобщенія еще не достаточно надежны, чтобы на нихъ основывать такую программу. И всѣ эти системы договоровъ, контрактовъ, если за ними не стоитъ искреннее желаніе сохранять справедливость въ международныхъ отношеніяхъ, тоже не приведутъ къ цѣли. Осуществленіе-же вѣчнаго мира, какъ нравственной задачи, не требуетъ, отъ политика никакихъ сложныхъ махинацій. Достаточно только открыто стать подъ знаменемъ справедливости и честности, чтобы устранить,—по крайней мѣрѣ, съ своей стороны,—всякую угрозу миру. А если то-же сдѣлаютъ

[1]) Ibid S. 45.

и политики всѣхъ странъ, то проблема и „разрѣшается сама собою“, какъ говоритъ Кантъ [1]).

Намъ нѣтъ нужды повторять, насколько для нашего времени умѣстна эта проповѣдь честности и справедливости въ политикѣ. Политика разсчета и одного только благоразумія не оправдала себя. Вмѣсто предполагаемыхъ выгодъ она даетъ чистый убытокъ въ видѣ милитаризма, такъ дорого обходящагося народамъ. Несомнѣнно, что пора испробовать другую, справедливую политику. Мы уже не разъ говорили, что европейскія государства уже въ значительной мѣрѣ поняли эту истину и во многихъ отношеніяхъ вступили на этотъ новый путь. Но безспорно, что много еще остается здѣсь дѣломъ будущаго. Пожелаемъ-же, чтобы это будущее скорѣе наступило!

b) *Условіе честной политики.*

Мораль и политика не противны другъ другу. Задачи ихъ вполнѣ соединимы, и отъ этого соединенія политика въ концѣ концовъ только выигрываетъ Моральный политикъ долженъ благоразуміе соединять съ справедливостью. Но такъ-какъ справедливость извѣстнаго дѣйствія можетъ иногда подлежать спору, а своекорыстіе и вообще практическій интересъ могутъ ослѣплять самихъ спорящихъ, то необходимъ какой-нибудь *внѣшній критерій* справедливаго дѣйствія.

Политическія дѣйствія принадлежатъ къ области *публичнаго права*. Слѣдовательно, въ понятіи послѣдняго и можетъ быть, отыскиваемъ критерій справедливости политическихъ дѣйствій. Если мы, говоритъ Кантъ, въ понятіи публичнаго права будемъ игнорировать совершенно всякую его *матерію*, то въ результатѣ такой абстракціи у насъ останется только *форма публичности*, безъ которой не будетъ уже и самаго права. Эту форму публичности и нужно взять за критерій: принципъ, который я не могу *провозгласить открыто*, не дѣлая чрезъ то тщетнымъ самаго своего намѣренія,—очевидно, противенъ справедливости; намѣреніе, которое я долженъ *скрывать*, чтобы оно мнѣ удалось, въ которомъ я не могу *открыто признаться*, не вызывая всеобщаго a priori мною предвидимаго противодѣйствія моему умыслу,—тоже неспра-

[1]) Ibid., S S. 45—46.

ведливо [1]). Такимъ образомъ, „абстракція отъ всего эмпирическаго, что содержитъ понятіе государственнаго и международнаго права“ дастъ слѣдующую, какъ выражается Кантъ, „*трансцендентальную формулу* публичнаго права“:

„Всѣ дѣйствія, касающіяся права „другихъ людей,—несправедливы, „если ихъ руководящее начало не „мирится съ публичностью“ [2])

Это—принципъ, заразъ и *юридическій* и *этическій*. Потому-то онъ и даетъ возможность судить о согласіи или несогласіи политики съ моралью и естественнымъ правомъ. Принципъ этотъ примѣнимъ къ оцѣнкѣ всѣхъ явленій публичнаго права — *государственнаго, международнаго* и *космополитическаго*.

1) Что касается *государственнаго* права, то Кантъ приводитъ здѣсь примѣръ, показывающій съ его точки зрѣнія, что этотъ принципъ выдерживаетъ провѣрку. Такъ, если-бы *революція* была правомѣрнымъ способномъ улучшать государственный строй, то притязаніе на это право не боялось-бы заявлять о себѣ публично; между тѣмъ оно всячески избѣгаетъ публичности [3])

2) Относительно *международнаго* права, въ вопросахъ котораго чаще всего обнаруживается разногласіе политики и морали, Кантъ утверждаетъ, что здѣсь этотъ *критерій публичности* находитъ самое плодотворное примѣненіе. Для доказательства оно разбираетъ три примѣра, въ которыхъ можетъ обнаруживаться антиномія морали и политики.

а) „Если одно государство обѣщало что-нибудь другому,—допустимъ, помощь, уступку извѣстныхъ земель, субсидію и т. п., то спрашивается, можетъ-ли оно въ случаѣ, отъ котораго зависитъ спасеніе государства, отказаться отъ исполненія своего слова“? Дѣло здѣсь въ томъ, что по принципамъ международнаго права на самостоятельность государства никто не можетъ посягать, не исключая и его правительства; поэтому, разъ исполненіе своихъ обязательствъ оно считаетъ угрожающимъ самому своему суще-

[1]) ibid S 50—51
[2]) ibid S 50
[3]) ibid S 51.

ствованію, то въ правѣ ихъ не исполнять. Съ другой стороны, возможно и такое разсужденіе, что рискуя собственнымъ существованіемъ, государство поступаетъ въ лицѣ своего правительства, какъ полновластный и безотвѣтственный хозяинъ, и потому должно выполнить обязательство. Для рѣшенія этой антиноміи, говоритъ Кантъ, достаточно будетъ предположить, что государство *открыто заявило*-бы свою теорію о необязательности для себя исполнять свои обѣщанія Это тотчасъ-же повлекло-бы за собою такія послѣдствія, которыя ни для одного политика не покажутся желательными (паденіе кредита, предупредительная война и т. п.); и можно быть заранѣе увѣреннымъ, что ни одно государство такой теоріи не провозгласитъ,—слѣдовательно, молчаливо признаетъ ее *незаконной* и нечестной [1]).

b) „Если возрастаетъ до ужасающей величины (potentia tremenda) сила сосѣдняго государства, то можно-ли допускать, будто оно, если *можетъ*, такъ и *пожелаетъ* угнетать слабѣйшія, и есть-ли у послѣднихъ право къ соединенному нападенію на него, даже и безъ всякой предварительной обиды съ его стороны“? Слабое государство, которое высказало-бы подобное намѣреніе, этимъ повредило-бы только себѣ-же самому, потому что сильное, не дожидаясь дѣйствительнаго образованія враждебнаго себѣ союза, поспѣшило-бы, для предупрежденія опасности, по одиночкѣ разгромить своихъ слабѣйшихъ предполагаемыхъ противниковъ [2]).

c) „Если меньшее государство своимъ географическимъ положеніемъ нарушаетъ связь частей большаго, которое однакожъ нуждается въ этой связи для своего сохраненія, то не въ правѣ-ли послѣднее покорить первое и присоединить къ себѣ“? Легко видѣть, говоритъ Кантъ, что большее государство заявитъ открыто подобную теорію не прежде, чѣмъ уже осуществитъ ее; ибо иначе — или меньшія государства заранѣе соединились-бы для предотвращенія такого захвата, или другія большія стали-бы оспаривать добычу въ свою пользу [3]).

---

[1]) ibid S 53.
[2]) ibid
[3]) ibid, S. 54.

3) Что касается *космополитическаго* права, то изъ его области Кантъ не приводитъ примѣровъ, потому что это право во многомъ аналогично съ международнымъ и потому, очевидно, допускаетъ примѣненіе того-же критерія [1])

Окончивъ обзоръ Кантова проекта вѣчнаго мира, мы не можемъ еще разъ не указать на тотъ основной мотивъ, который побудилъ великаго философа предпринять его трудъ Этотъ мотивъ—вѣра въ конечное торжество идеала законности, честности и справедливости въ политической жизни народовъ. Не боясь показаться утопистомъ, онъ предъявляетъ правительствамъ и народамъ самыя смѣлыя требованія. Съ другой стороны, не опасаясь упрека въ мелочности и элементарности, онъ добросовѣстно развиваетъ систему нѣкоторыхъ самоочевидныхъ положеній, но къ сожалѣнію еще не вошедшихъ въ жизнь Во всемъ этомъ видно искреннее и глубокое убѣжденіе Нашъ мудрецъ никакъ не хотѣлъ допустить, чтобы справедливость въ мірѣ оставалась пустою мечтой;—здѣсь источникъ его рѣзкихъ отзывовъ о политикахъ, не руководящихся нравственными требованіями. Поистинѣ трогательна та горячность, съ какою онъ бросаетъ этимъ проповѣдникамъ политическаго брагоразумія знаменитое „fiat justitia, pereat mundus“! „Да царствуетъ справедливость, хотя-бы отъ того погибли всѣ плуты въ мірѣ“ [2]),—такъ переводилъ онъ древнее изреченіе;—и мы невольно улыбнемся читая этотъ переводъ, но именно въ его смѣшной формѣ намъ видится высокій нравственный энтузіазмъ. Если-бы огнемъ такого энтузіазма горѣли сердца членовъ собирающейся теперь конференціи, то она, несомнѣнно, пришла-бы къ добрымъ результатамъ.

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

[1]) ibid
[2]) ibid S. 47